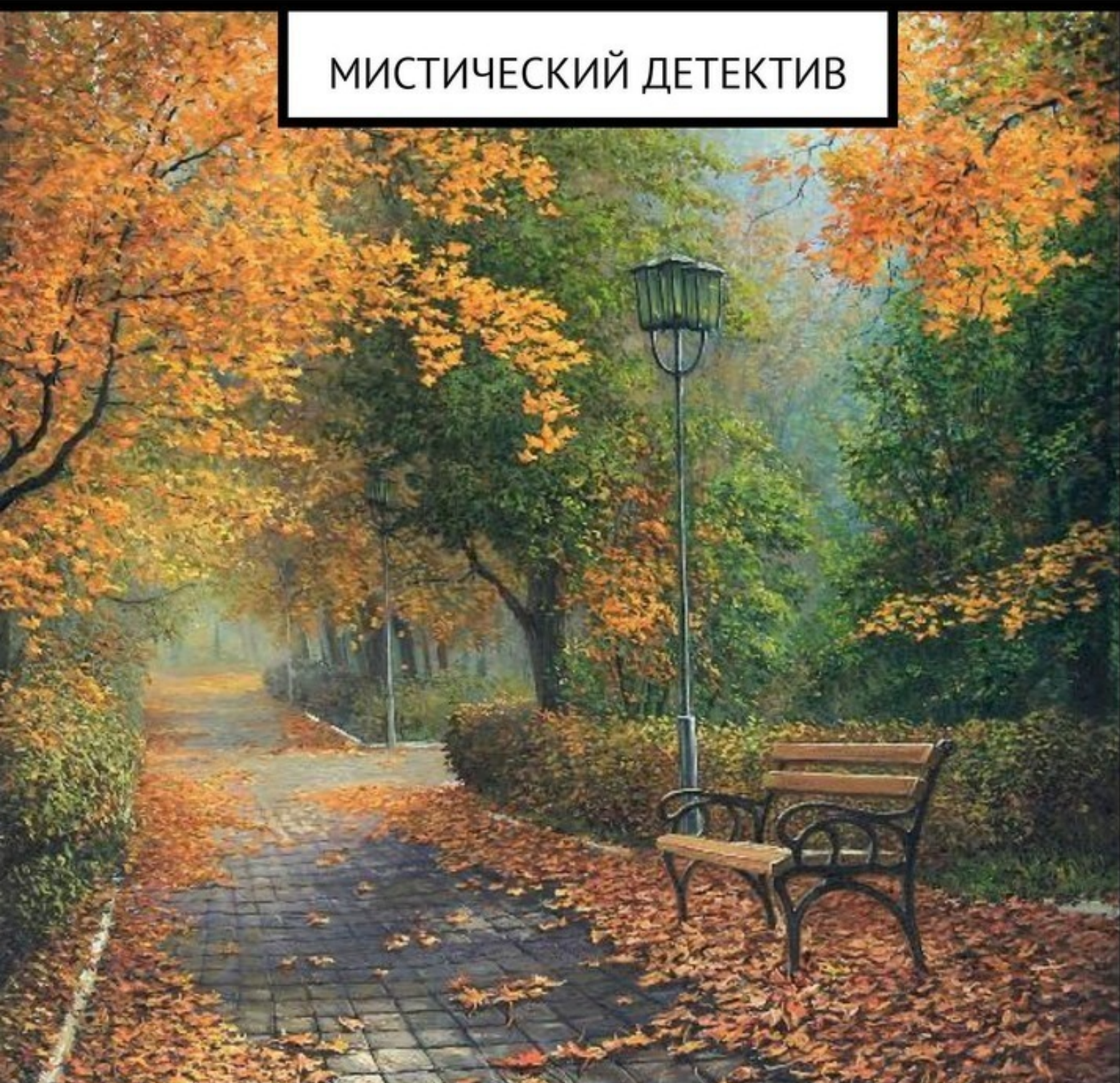

ТАМАРА ЗЛОБИНА

Портрет дамы

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Тамара Злобина

**Портрет дамы.
Мистический детектив**

«Издательские решения»

Злобина Т.

Портрет дамы. Мистический детектив / Т. Злобина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935890-5

Первое дело частного детектива Татьяны Рябининой оказалось не таким простым. Её клиентка была задушена в собственной квартире, прямо под прекрасным портретом молодой дамы с белым шарфом. Орудием убийства стал тот самый белый шарф.

ISBN 978-5-44-935890-5

© Злобина Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Знакомство	6
Глава 2. Случай решает всё	12
Глава 3. Дневник	19
Глава 4. Карма на санскрите – деяние	24
Глава 5. Адвокату – адвокату	31
Глава 6. Назвался груздем...	42
Глава 7. Рутин	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Портрет дамы Мистический детектив

Тамара Злобина

© Тамара Злобина, 2018

ISBN 978-5-4493-5890-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Знакомство

Это расследование явилось началом «сольной карьеры» частного детектива Татьяны Рябининой, когда у неё было слишком много амбиций и мало опыта.

Первое дело – дело давнее, но она помнила его, словно это было вчера. Татьяна только что ушла из прокуратуры, решив заняться частным сыском, и на практике постигать азы новой профессии.

Дело «подкинул» ей друг и соратник: начальник районной прокуратуры Кузьмин Игорь Сергеевич. Взяв над ней негласное шефство, бывший начальник иногда давал советы, и весьма конструктивные, ненавязчиво наводя на правильные выводы, иногда по-отечески журил за горячность и торопливость.

– Любое дело, Рябинина, должно созреть! – говорил он, наблюдая за действиями своей подопечной. – Не торопи его необдуманными действиями: в противном случае достанется незрелый плод, о который способен обломать зубы и не такой асс.

Такая позиция наставника казалась Тане притянутой за уши, и она не понимала, как можно затягивать расследование, ведь преступника можно: а) спугнуть, б) упустить, и, наконец, в) дать время запутать следствие или уничтожить следы преступления.

– Созревший плод падает в руки сам – стоит лишь потрясти дерево, – внушал с уверенностью Кузьмин.

Рябинина в ответ на мудрствование наставника, смеялась:

– Гораздо чаще этот плод падает не в руки, а на голову!

Игорь Сергеевич почти всегда игнорировал её выпады, понимая, что она задирается не из вредности, а чисто риторически.

Итак, Татьяна получила дело из рук своего друга и учителя в то время, когда ещё полностью не вошла в роль частного детектива, хотя старательно исполняла её.

Дело было нетрудным, даже для начинающего, неопытного детектива: некая состоятельная дама (владелица престижного салона моды), вдова полковника, бывшего начальника районного управления милиции, друга её наставника, сомневаясь в честности и порядочности своего юного бойфренда, пожелала с помощью частного детектива узнать немного больше того, о чём знала.

Кузьмин попросил Таню помочь в этом щекотливом деле, и она, не испытывая особого желания (предстояло копание в чужом грязном белье), вынуждена была согласиться на предложение, чтобы не обидеть отказом друга.

Первое знакомство с клиенткой происходило на нейтральной территории – в кафе, неподалёку от УВД в час, когда там бывает меньше всего народа. Общение дало ей не слишком много пищи для воображения: пришлось довольствоваться чисто внешними впечатлениями. Мадам говорила скупно, выдавая минимум информации, хотя по глазам угадывалось, что ей хочется сказать больше.

Эту сдержанную холодность Рябинина восприняла, как признак того, что дама то ли не особенно доверяет ей, видя её молодость, и предполагая отсутствие достаточного опыта, то ли потому, что частный детектив – женщина.

Пока дама излагала своё дело, Татьяна внимательно изучала её лицо, пытаясь, как человек несколько сведущий в физиогномике, определить характер заказчицы.

На вид клиентке было около пятидесяти лет. Бесспорно интересное, какой-то достойной привлекательностью, лицо. Несколько полновата, но очень искусно маскирует этот недостаток, прекрасно сшитой, со вкусом подобранной одеждой. Макияж, цвет волос, цвет глаз сочетаются с цветовой гаммой одежды, создавая впечатление мастерски написанного полотна, но души мастера, создавшего этот шедевр, Татьяна не почувствовала.

Из общей картины этакого натуралистического романтизма выпадали лишь губы и глаза, почти контрастные друг другу, и, в целом, остальному полотну: губы дамы, несколько припухшие, чуть капризные, как у ребёнка, глаза же – женщины, обременённой опытом, выдавшей и потрясения и потери.

Вот и всё, что Татьяна смогла понять о своей клиентке, во время их первой встречи, используя науку под неуклюжим названием физиогномика. Дама, назвавшаяся Линой Евгеньевной Вороновой, была женщиной несколько скрытной и первому взгляду малопонятной.

Бойфренда, за которым Рябинина должна была проследить, звали Таро Андреем, и он являлся студентом третьего курса местного университета. По описанию клиентки: высок, строен, недурён собой. Молодцу 23 года. К скупой характеристике прилагалась, небольшого размера, фотография.

Этих, хоть и весьма скурых данных, Татьяне вполне хватило, чтобы отыскать Андрея в немалой толпе студенческой братии. Приняв облик студентки, она следила за ним целую неделю, органично вписавшись в круг его друзей под именем Ирочки Славиной из параллельного курса, свободно посещая лекции вместе с новыми друзьями.

Удивляло то, что никто из педагогов не обратил на неё внимание, приняв, видимо, за студентку этого курса. Действовала Таня сообразно обстановке: в меру любопытства, в меру настойчивости, чтобы не особенно выделяться из коллектива. От всех остальных отличалась лишь большой «любовью к фотографии», не расставаясь с фотоаппаратом ни на минуту.

К концу недели она уже имела достаточно материала для предъявления заинтересованной стороне. Но, если честно, Андрей не вызывал в ней негативных чувств, даже более того: он импонировал своей открытостью, доброжелательностью и простотой. Единственное, что удивляло Таню, так это то, как он мог стать альфонсом с его умом, достаточно богатым внутренним миром, удивительной честностью и правдивостью. Личные качества парня никак не соответствовали этому, весьма непривлекательному, определению – альфонс.

Негативное отношение к мужчинам, живущим за счёт женщин, не позволило Рябининой ничего скрыть из того, что она нарыла за неделю жизни интересами студенческого братства. Татьяне очень хотелось понять причину, заставляющую молодого, интересного парня иметь связь с женщиной почти в два раза старше него, но это оказалось непросто: корни явления были гораздо глубже, а её опыт позволил ухватить только то, что лежало на поверхности. Да и времени для этого было маловато.

Подборка фотографий оказалась внушительной, поэтому потребовала определённой сортировки: сокурсницы, подруги, близкие подруги. Была даже аудиозапись одного разговора во время встречи с некой Мариной Ерофеевой, которая, по мнению начинающего детектива, представляла для клиентки наибольшую опасность.

В общем, ко второй встрече с Линой Евгеньевной, Таня подготовилась основательно: подобрала фотографии, составила подробную пояснительную записку, приложила аудиозапись.

Воронова назначила ей встречу у себя дома на семь часов вечера. Татьяна ехала к клиентке, борясь с волнением, пытаясь представить, как пройдет встреча. Волнение было вполне понятным, ведь это её дебют в новом качестве.

Девушка переживала убедительны ли её выводы, поверит ли ей заказчица. Её волновало и то, какова будет реакция заказчицы на её доказательства «неверности бойфренда»?

Могло быть, как минимум, два вида одной: если дама хочет расстаться с парнем – тогда выводы позволят сделать это обоснованно, но, если Лина Евгеньевна хочет проверить его, так сказать, «на вшивость», то реакция может быть непредсказуемой.

Подъехав к элитному дому заказчицы, в престижном районе города, Татьяна почти успокоилась, убедив себя, что сведения не содержат ничего такого, что могло бы вызвать у женщины негативную реакцию: Андрей Таро, хоть и общительный молодой человек, но не бабник. По крайней мере, на Таню он произвёл именно такое впечатление.

Девушка, к которой у Андрея было нечто большее, чем дружеское расположение, та самая Марина Ерофеева, не была студенткой, что Рябинину слегка удивило. Следовало бы ожидать, что он отдаст предпочтение одному из тех очаровательных созданий, окружающих его весьма плотным кольцом, как в стенах университета, так и в не его. Однако Андрей оставил маленький, тщательно охраняемый от чужого взгляда, участок своей души, своей жизни, для молодой и, несомненно, красивой Мариночки.

Выйти на Марину Рябинина смогла лишь на четвёртый день плотного сидения на хвосте подопечного. В результате первого «боевого крещения», она поняла, что неделя слишком большой срок для его выполнения: через три-четыре дня становится невероятно сложно наблюдать за объектом, не привлекая к себе внимания окружающих. К концу шестого дня у Татьяны возникла уверенность, что Андрей подозревает её в том, что она серьёзно увлеклась им, а отдельные девицы из его окружения, стали явно намекать на то, что Таня слишком запала на их друга, и это становится ему неприятно. Пришлось срочно сворачивать «шпионскую» деятельность и исчезать, никому ничего не объясняя.

* * *

Дама встретила Рябинину очень приветливо, предложив сигареты и «чего-нибудь выпить», но та вежливо отказалась.

– Надеюсь, Татьяна, от кофе вы отказываться не станете? – с открытой, так идущей к её лицу, улыбкой, сказала хозяйка, жестом приглашая гостью присесть.

Татьяна, как можно изящней, плюхнулась в кресло, и, пока хозяйка готовила на кухне кофе, заинтересованно оглядела обстановку.

Если прихожая – лицо квартиры, то зал – лицо хозяйки, и это лицо так же ухожено, и так же своеобразно, как и хозяйка. Заметно, что здесь было приложено немало сил, времени и денег, чтобы создать не только комфорт, но и духовности, однако, последнее не совсем удалось: нет-нет, да и вылезали предательски длинные ушки, ведь вкус, по мнению Татьяны, как и интеллигентность – не приобретённое, а врождённое качество.

Но одна вещь Таню просто поразила: большой портрет на стене. На этом портрете была изображена молодая, божественно красивая женщина. Широко распахнутые в мир, доверчи-

вые глаза, чувственные сочные губы и летящий белый шарф. В лице женщины было что-то волнующе-прекрасное, словно сама Красота, сама Вечность застыла на мгновение, давая возможность, простым смертным, прикоснуться к этому таинству.

Внимание Рябининой привлек белый, воздушный шарф, висящий на спинке кресла-качалки, стоящей у окна. В голове возникла ассоциация: такой же шарф был у Айседоры Дункан, когда она зацепилась им за проезжавшую мимо машину и была задушена.

Татьянины размышления прервало появление хозяйки, павой влившей в комнату. Её поведение, вид, красноречиво говорили о том, что женщина безмерно довольна и собой, и своей квартирой, и своей жизнью.

– «Ну что ж, довольная моя, – съязвила Таня про себя, – сейчас я тебя огорчу до невероятности, и эта маска благодущия спадет, а я посмотрю, что под ней».

Они пили прекрасный, ароматный кофе, беседовали о приятных, милых сердцу, пустячках, но каждая из них ждала своего момента: Таня – чтобы выложить компромат на стол, Лина Евгеньевна – чтобы принять его достойно.

Первой не выдержала хозяйка:

– Танюша, я вас совсем заболтала, а ведь вы, наверное, пришли ко мне... не с пустыми руками?

– Вы правы, Лина Евгеньевна, – ответила Танюша, – не с пустыми.

– Так давайте же мне то, что принесли.

Неторопливо открыв сумочку, гостя достала большой конверт с фотографиями и пояснительной запиской, дополнив его аудиокассетой. Заказчица взяла «подарок» с опаской, чуть ли не двумя пальчиками, словно, боясь замараться, и произнесла:

– Вы не обидитесь, Танечка, если я покину вас буквально на две-три минуты?

– Конечно, нет, – заверила Таня, невольно улыбаясь, глядя женщине в лицо. Улыбка возникла сама собой и она, понимая всю её нелепость в данной ситуации, и стараясь смягчить своё поведение, вдруг ляпнула первое, что пришло в голову:

– Мне знакомы ваши глаза! Я уже где-то видела их.

– Конечно, – усмехнулась её бестолковости хозяйка. – ведь мы с вами не в первый раз встречаемся.

– Дело вовсе не в этом. – замялась Таня, – я видела эти глаза... На портрете!

Догадка, вспыхнувшая внезапно, удивила и обескуражила:

– Именно на портрете! Дама с белым шарфом?..

– Это я, – улыбнулась хозяйка нежно и мечтательно, становясь невероятно похожей на портретное изображение. – Но много лет назад.

Повисла неловкая пауза: Татьяна не осмеливалась задать наводящий вопрос, а хозяйка, видимо, не хотела рассказывать большего.

– Извините, Таня, я вынуждена всё же вас оставить.

Лина Евгеньевна плавно удалилась из зала, попросив гостью не скучать, а та в свою очередь искренне заверила её в том, что о ней беспокоиться не стоит.

Татьянино одиночество среди роскоши чужой квартиры затянулось гораздо дольше трёх минут, и она начала подозревать, что «бомба» разорвалась с большим эффектом, чем можно было предположить, и, поэтому у неё возникло естественное желание немедленно уйти по-английски, чтобы избавить хозяйку от своего присутствия. Однако это желание показалось

Тане проявлением невоспитанности, поэтому она осталась на месте, поглядывая то на окно, то на дверь, за которой скрылась Воронова.

Наконец, хозяйка возвратилась, и Рябинина, внутренне напрягшись, приготовилась к выплеску эмоций, но этого не произошло. Вглядываясь в лицо Лины Евгеньевны, она старалась прочесть в нём ответ на мучивший вопрос, но лицо женщины не выражало ничего, словно и не было ни фотографий, ни аудиозаписи, ни подробной пояснительной записки к ним.

Хозяйка предложила бесстрастным голосом:

– Может быть ещё кофе?

Татьяна восприняла это, как намёк на то, что пора уходить.

– Извините, Лина Евгеньевна, – произнесла она полу смущённо, – но мне пора.

– Подождите немного! – дама сорвалась с места – Я сейчас кое-куда позвоню. Это не займёт много времени, уверяю вас, Танечка!

– «Знаю я это ваше «недолго»! – возмутилась та про себя, горя единственным желанием оставить и эту квартиру, ставшую вдруг такой неудобной, и эту холеную, недоступную её пониманию, женщину.

Однако дама действительно возвратилась очень быстро, держа в руке обычный почтовый конверт. И только тут Таня заметила, как печальны, как несчастны, её глаза, и ей стало не по себе: охватило чувство вины и сочувствия. Хотелось дотронуться до руки женщины и сказать:

– «Да не переживайте в так! Что Бог не делает – все к лучшему... Всё рано или поздно проходит: и боль измен, и горе утрат, и даже смерть: всё раны рано или поздно зарубцовываются».

Она была уже готова произнести эти слова вслух, но дама её опередила, протянув конверт, со словами:

– Это вам, Танечка.

Рябинина попыталась обозначить свой отказ жестом, но клиентка, по видимому, будучи готовой к подобной реакции, перехватила её руку и вложила в неё конверт.

– Не отказывайтесь, пожалуйста, Таня. Каждый труд должен быть оплачен.

– Но, Игорь Сергеевич... – начала та, не успев закончить мысль, потому что Лина Евгеньевна перебила её:

– Игорю Сергеевичу знать необязательно – это должно остаться между нами.

– Что это? – не поняла Рябинина.

– Всё! – однозначно ответила хозяйка, умоляюще глядя ей в глаза. – Обещайте, что не расскажете ничего из того, что вам удалось узнать... Пожалуйста.

– Да-да, конечно, – поспешила успокоить хозяйку Татьяна. – Я ничего, никому рассказывать не стану.

– Спасибо. – Воронова вздохнула с облегчением, и девушка поняла, что должна, как можно скорее покинуть квартиру, чтобы больше не терзать хозяйку своим сочувствующим взглядом. Поблагодарив, и, как можно теплее, простившись с Линой Евгеньевной, одарившей Татьяну в ответ усталой улыбкой, она ушла, уверенная в том, что её миссия закончена, а эта встреча – последняя.

Ни первое дело, ни первый гонорар не доставили Рябининой удовлетворение, зато она своей работой принесла женщине большое разочарование и даже более того – удар.

Дома, вскрывая конверт Татьяна сильно сомневалась в том, что заслужила хоть какую-то благодарность за «содеянное», и удивилась, найдя в нём четыре зелёных бумажки, на каждой из которых красовалось число 50.

– Ого! – удивилась она вслух. – Двести долларов?! Вот это да... Мой первый гонорар в валюте.

Глава 2. Случай решает всё

Утро было туманным, меланхоличным и почти соответствовало настроению Татьяны. Она была свободна ото всего, а это означало: никому не нужна. И хотя в кармане завелась кое-какая денежка, внутренний настрой был не намного выше нулевой отметки.

Тревожило сомнение: понадобится ли её помощь в качестве частного детектива кому-нибудь кроме дамы, уличившей с её помощью в неверности своего юного бойфренда? И, вообще, было много сомнений, как насчёт прошлого, так и насчёт будущего и настоящего. Тряхнув своей рыжекудрой головой, новоявленный детектив попыталась отогнать невесёлые мысли, произнесла в ответ своим сомнениям:

– Не ошибается тот, кто ничего не делает! Надеюсь, ты не станешь бездельничать, Татьяна, свет Владимировна?

И тут раздался резкий телефонный звонок, вызвавший в ней какое-то нездоровое ощущение опасности. Таня осторожно подняла трубку, и так же осторожно, поднесла к уху.

– Алло, Татьяна, это Кузьмин. Ты уже на ногах?

– Да.

– Тогда одна нога там – другая здесь.

– «Лучше не представлять себе, что из этого получится!» – усмехнулась она мысленно.

Уточнила:

– Так где же должна быть моя вторая нога?

– А что, разве я не сказал? – удивился Кузьмин – Приезжай на квартиру к Лине.

– Что-то произошло? – насторожилась девушка.

– Произошло... – ответил Сергеич твёрдо, с явным нежеланием вдаваться в подробности по телефону.

– Приезжай немедленно! – и повесил трубку.

– Вот так всегда! – проворчала Таня, всё ещё держа трубку в руке, словно собираясь высказать своё недовольство именно ей, на то, что бывший шеф, как обычно, оборвал разговор, не объяснив ситуацию.

– Бросит трубку, а ты потом ломай голову, думая что произошло?! – Последние слова Таня уже договаривала на лестничной площадке, ожидая появления лифта.

Раннее утро. Редкие прохожие. Туман густой и тяжёлый. Влажность такая тугая, что трудно дышать. На остановку Рябина летела, как на первое свидание, вспоминая голос Кузьмина, чуть подрагивающий даже тогда, когда он старался казаться спокойным.

Повышенная ли влажность участила дыхание, или в этом было виновато волнение, которое девушка испытывала, перебирая мысленно то, что могло случиться после её ухода – не понятно.

– Что, если с Вороновой произошёл сердечный приступ, а рядом не было никого, кто бы помог ей: позвонил бы в скорую помощь, дал таблетку? – ломала голову она. – Почему ты не поинтересовалась её состоянием, не предложила помощь? Взяла деньги и ушла прочь, посчитав миссию выполненной? Какое непростительное равнодушие, сударыня, тебе не кажется?

Самобичевание прервалось на самом интересном месте: она подходила к дому Лины Евгеньевны. Возле подъезда толпился народ и о чём-то тихо переговаривался. Поодаль стояли

милицейский УАЗик и скорая, и Таня поняла, что это серьёзно: гораздо серьёзней, чем она могла себе представить.

На четвёртый этаж поднималась по лестнице, шагая сразу через две ступеньки – лифт не вызывался, хотя по всем признакам работал, и это еще более усугубило подозрение, переходящее в уверенность.

Возле знакомой двери стоял сержант с рыжеватыми усами и глазками цвета осенней зелени, с явным намерением «не пущать». В результате сбивчивых и торопливых объяснений, что она явилась по вызову Кузьмина, сержант, молча, открыл дверь, кивком головы приглашая войти.

В квартире Лины былолюдно, но на Рябинину никто не обратил внимания: каждый был занят своим делом. Она спросила молоденького лейтенантика, где Кузьмин, и тот услужливо взялся проводить её. Они пробились на кухню, довольно вместительную, оборудованную по последнему слову техники.

Восседавший за столом плюгавенький мужчина, о чем-то настойчиво интересовался у пожилой женщины, опасливо примостившейся на краешке стула. Игорь Сергеевич стоял у окна и разговаривал с мужчиной, показавшимся Тане знакомым.

– Здравствуйте! – поздоровалась она со всеми, направляясь к парочке у окна.

Игорь Сергеевич оторвал взгляд от собеседника и посмотрел на неё взглядом человека, потерявшего что-то очень дорогое, важное.

– Здравствуй, Татьяна. Ты приехала?

– Да, Игорь Сергеевич – ответила она тихо, чувствуя всю тяжесть момента. – Что все-таки произошло?

– Ты ещё не видела Лину?

– Нет... Там в зале столько народа...

– Идём.

Кузьмин взял её, как маленькую девочку, за руку, и провел в зал.

В зале находились эксперт-криминалист Кутник Валентина Андреевна – крупная высокая женщина, и мужчина в белом халате, Татьяне незнакомый. Они, своими разнокалиберными фигурами, почти полностью закрывали диван, на котором только вчера восседала хозяйка дома, потчuya её кофе.

Теперь Лина Евгеньевна лежала на нём. Лежала в какой-то неестественной, неудобной позе, как если бы упала, или была брошена на диван какой-то грубой силой.

Тело было расположено так, что тёмное, искажённое судорогой, лицо женщины, словно по иронии, оказалось как раз под прекрасным портретом, которым Таня любовалась вчера, удивляясь и восхищаясь, сочетанию красоты и вечности.

Контраст двух лиц: лица на стене и лица на диване был так разителен, что она с трудом сдержала вскрик.

Кузьмин, молча, смотрел на её реакцию, а она едва смогла выдать фразу:

– Как же это?... Когда?

– Криминалист предполагает, что смерть наступила вчера, около девяти вечера.

Лицо наставника было суровым, взгляд тяжёл. Волнение выдавали только руки. Они словно не находили места: то хватались за форменную фуражку, то доставали платок из кармана, чтобы вытереть со лба воображаемый пот, то начинали тереть лацкан мундира. В таком возбуждении Татьяна видела шефа лишь однажды, когда год назад его жена Ниночка постра-

дала в результате ДТП и находилась в реанимации. С женой тогда всё обошлось, но теперь всё гораздо серьезней: Лина мертва...

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что её жизнь прервал тот самый белый, воздушный шарф, что на портрете оттенял нежность и неординарность лица молодой красавицы Лины. Сейчас же этот шарф являл собой орудие убийства, змееподобной лентой обвивающее шею хозяйки квартиры, уродливым узлом разрывая все связи с красотой и жизнью.

– Как же так, Лина? – не выдержал Игорь Сергеевич. – Как же это случилось, дорогая? Кто посмел поднять руку на такое безобидное, нежное существо? Что за ублюдок был здесь?

Рябинина взяла руку наставника в порыве сострадания, желая успокоить, поддержать друга, но мягкий жест сочувствия не произвел на него никакого впечатления, убеждая в том, что гибель Лины очень сильно повлияла на старшего товарища.

Сергеич неожиданно поинтересовался:

– Когда ты с ней виделась в последний раз?

– Вчера, – не раздумывая, ответила Татьяна.

– Во сколько? – вскинул брови он.

– После семи вечера.

– Тогда ты должна поговорить со следователем, ведущим это дело.

– Должна?

– Если у тебя есть хоть какие-то сведения, касающиеся Лины, ты должна рассказать следователю.

– И о своём расследовании? – уточнила Татьяна.

– Но сначала ты всё расскажешь мне. Пойдем в спальню – на кухне следователь опрашивает соседку.

Не успела Таня по достоинству оценить спальню, которая декорирована в стиле позднего ренессанса, как Игорь Сергеевич чуть ли не силой усадил её в мягкое кресло, а сам устроился на низком пуфике, приглатываясь выслушать рассказ.

– Излагай с самого начала и поподробней, не пропуская ничего – пусть даже тебе это покажется совершенно неважным или бессмысленным.

Татьяна рассказала ему всё, начиная со встречи в кафе, своего внедрения в студенческую среду, слезки и фотографирования, и, заканчивая вчерашней встречей и разговором во время кофепития.

Чуть помолчав, Кузьмин начал рассуждать вслух:

– Твоё досье при досмотре было, к сожалению, обнаружено. Следователю не составит труда выйти на Таро, а значит всплывет и твоя фамилия... Не хотелось бы мне этого, Татьяна... Сама понимаешь, ведь это я посоветовал Лине обратиться к тебе... Всплывёт и моё имя, а это мне сейчас ни к чему: с начальством сейчас очень натянутые отношения... Да я, помнится, тебе рассказывал на днях о своих проблемах.

– Не волнуйся, Сергеич, твое имя не всплывет – уж я что-нибудь придумаю.

– Ладушки, – несколько успокоился Сергеич, разминая, привычным движением пальцев правой руки, лоб, что обычно говорит о лихорадочной работе его мысли.

– Но появление тебя, фотодокументов выведет в главные подозреваемые молодого человека, а это...

– Это будет ошибочной версией! – уверенно произнесла Таня.

– Почему?

- Потому что Андрей не способен на убийство.
- Ты точно уверена? – усмехнулся Кузьмин, прищуривая правый глаз. – Прежде чем отвечать – подумай хорошенько.
- Андрей, добрый, мягкий. Он не мог сделать этого.
- А что если обстоятельства заставили его? Ну, просто выхода иного не было?
- Какие обстоятельства?! – возмутилась Татьяна полушёпотом.
- Ты же знаешь, что парень жил за счёт Лины?... Знаешь?
- Знаю, – подтвердила та, не понимая, куда он клонит.
- А что если после этого разоблачения Лина решила отказать ему в помощи, порвать с ним?
- Ну и что? – удивилась девушка. – Убийством тут ничего не исправить. Ему не выгодно это убийство!
- Как сказать. – Сергеич блеснул глазами. – Как сказать... Видишь ли, Татьяна, пропали некоторые вещи Лины: пара дорогих серёг, ожерелье, кольцо с бриллиантом, подаренное супругом в день тридцатипятилетия, и ещё кое-что по мелочи: часы, браслеты, цепочки с кулонами... А это работает на мою версию.

– Нет-нет! Андрей никогда бы не сделал этого! Он не такой! Он не мог! – воскликнула Татьяна.

– Как ты можешь с уверенностью утверждать это? Ты его знаешь всего несколько дней, а утверждаешь, что он не способен. Каждый из нас способен на отчаянный поступок, когда припёрт жизнью к стенке!

– И все-таки я не согласна с тобой! Тут просто не тот случай.

– Возможно, – в раздумье произнёс Сергеич. – Но уверен, что именно эта версия станет в расследовании основной.

– И меня это пугает. – ответила Татьяна. – Зная наши доблестные правоохранительные органы, мне искренне жаль парня, потому что он не заслуживает такого испытания.

– Каждый из нас рано или поздно проходит свою долю испытаний. – нахмурился Кузьмин. – Сия чаша никого не минует...

Татьяна смотрела на бывшего шефа с явным желанием выразить протест, и тот слегка пожурил её, не одобряя горячности:

– Ты слишком эмоциональна, Татьяна, а в нашей работе это скорее недостаток, чем преимущество.

– Наверное, поэтому из меня и не получился настоящий прокурорский работник. – усмехнулась Татьяна.

Понимая, что спорить с бывшим шефом бесполезно, она замолчала, обдумывая, чем можно помочь Андрею, но не смогла найти ответа на мучающий её вопрос. А Кузьмин вдруг произнёс:

– Рассказать об этом парнишке всё-таки придётся: от этого никуда не деться... Естественно, не упоминая того, что я причастен к этому кое-каким боком.

– Естественно. – согласилась Таня полу саркастически.

Правая бровь Сергеича вновь взлетела вверх, выдавая не то недоумение, не то возмущение.

– Извини?! – произнесла она, осознавая, что переборщила в своём стремлении защитить парня.

Игорь Сергеевич деликатно пропустил мимо ушей и сарказм, и извинения, и, как ни в чем не бывало, поинтересовался:

- Ты готова говорить со следователем?
- Вполне.

Следователь Михаил Иванович Селезнёв, тот самый плюгавенький мужичок, которого Таня видела на кухне лишь со спины, был знаком ей по работе в прокуратуре, но это знакомство, так сказать, шапочное: здравствуйте – до свиданья. Теперь же оно должно было перерасти в сотрудничество, однако этого не произошло.

Въедливый следователь с глазами буравчиками, проникавшими в самую душу, Татьяне не понравился: во-первых: он вел себя так, словно вовсе не знал Рябинину, во-вторых: видимо, считал именно её виновной во всех смертных грехах, и Таня в ответ начала нервничать и грубить.

Следователь смотрел непонимающе, не одобряя её поведения, и тогда Татьяна пояснила:

– И ваше поведение, господин следователь, оставляет желать лучшего.

– Вы ошибаетесь, Татьяна Владимировна, – бесстрастно ответил Селезнёв, – моё поведение вполне соответствует требованиям законов прокуратуры.

И тут же добавил, не отводя от неё колючего взгляда:

– А вот меня удивляет ваша реакция... Вы, как я знаю, юрист по образованию, но вместо того, чтобы помогать следствию становитесь в позу... Не понятное поведение.

Тане очень захотелось возмутиться:

– Какая специфическая психология: я же оказываюсь и виновной!

Но тут появился Кузьмин, и она не успела поделиться своей мыслью со следователем.

– Михаил Иванович, – обратился Сергеич к следователю. – вы еще не закончили разговор?

– Нет, Игорь Сергеевич, – ответил следователь, пытаясь пригладить остатки волос надо лбом. – но скоро, видимо, закончим.

– Хорошо, – произнёс Сергеевич, поглядывая на сердитое лицо девушки. – Татьяна Владимировна, когда закончите беседу, подойдите, пожалуйста, ко мне.

– Непременно.

После ухода Кузьмина, Селезнёв несколько смягчился и продолжал уже более миролюбивым тоном:

– Нам осталось выяснить буквально пару моментов...

Рябинина понимающе кивнула, приготовившись отвечать, надеясь на более снисходительное отношение к себе, и снова ошиблась: буравчики вновь впились в неё с прежней силой, пытаясь вывернуть весь её мир наизнанку.

– Лина Евгеньевна не говорила вам откуда она узнала о том, что вы специализируетесь в частном сыске? Насколько я понял, вы только начали свое дело, и широкому кругу населения неизвестны?

– Она сказала только, что ей порекомендовал кто-то из знакомых, и я не стала вдаваться в подробности.

– Так-так, так-так – словно барабанил, следователь. – А вы не предполагаете кто бы это мог быть?

– Нет, не предполагаю... Вряд ли у нас есть общие знакомые.

– Почему вы так решили, Татьяна Владимировна?

– Мы обретаемся в разных кругах.

– Отчего же в разных? – на лице следователя отразилось непонимание. – Муж Лины, был начальником Следственного отдела Кировского РУВД, так сказать, нашим коллегой.

– Об этом факте я узнала от самой Лины Евгеньевны – пояснила Татьяна. – Раньше я не встречалась ни с её мужем, ни с ней самой.

И снова в ответ – нудное, действующее на нервы:

– Так-так, так-так. А Андрея Таро Вам раньше не приходилось встречать?

– Нет, – твёрдо, с явным желанием, чтобы этот разговор, наконец, закончился, произнесла Татьяна. – О существовании этого молодого человека я узнала со слов Вороновой.

И опять: -так-так, так-так.

– Нудист! – определила она про себя. – Несомненный нудист!

Селезнёв задал ещё несколько вопросов о семье Андрея Таро и его девушке Марине, перемежая вопросы дурацкими «так-так». Наконец, следователю, видимо, надоело общество Татьяны, и он отпустил её, напомнив, что Игорь Сергеевич пожелал видеть Рябинину по окончании беседы. Подписав протокол, и облегчённо вздохнув, она оставила следователя на кухне.

Квартира к тому времени почти опустела: труп хозяйки, по-видимому, увезла скорая, уехала и следственно-оперативная группа. Остался только молоденький лейтенант. Он козырнул Татьяне и сказал, что Кузьмин ожидает её в машине. Любезно поблагодарив лейтенанта, ещё не испорченного сознанием своего высокого предназначения, Таня спустилась вниз по лестнице, торопясь покинуть этот дом.

Сергеич, заметив её в дверях подъезда, подал знак рукой, приглашая к себе в машину.

– Садись, Татьяна, довезу куда скажешь.

– Да я пока не решила куда.

– Коля, – обратился шеф к водителю, – поезжай в наше кафе, я сегодня не завтракал... Ты не против, Таня, попить чайку с фирменным пирогом? Время есть?

– Подкрепиться не откажусь. – ответила та. – А время для этого у меня есть всегда.

Машина тронулась с места и Кузьмин поинтересовался:

– Как тебе Михаил Иванович?

– Нудист! – раздражённо выпалила она.

– ???

– Зануда, каких мало. – пояснила Татьяна своё определение, видя явное непонимание собеседника.

– Невзрачный, но въедливый. – улыбнулся Кузьмин. – Под землей на три аршина видит.

– По моему, он меня видит в роли убийцы! – распустилась Таня чёрным юмором, как черная роза лепестками.

– На воре и шапка горит? – пошутил наставник.

– И ты туда же?! – не восприняла она шутку.

– Да ладно тебе, Татьяна, – миролюбивым тоном произнёс он. – Это у него такая манера с контингентом работать.

– Но я – не контингент!

– Для него все равны. – уже не улыбаясь сказал Кузьмин. – Не хотелось мне, чтобы он вёл дело Лины...

– Как ты думаешь, Сергеич, для нас это чревато последствиями?

– Не думаю. – в раздумье произнёс Сергеич. – Хотя... Кто знает?

– Пожалуй, я подключусь к этому делу, чтобы «буравчик» дров не наломал.

– Какой буравчик?

– Ну, нудист.

– Совсем запутала! – рассмеялся Кузьмин. – То буравчик, то нудист... Не слишком ли много эпитетов для одного следователя? Хотя и то, и другое Селезнёву очень подходит.

– Почему? -поинтересовалась Татьяна.

– Потому что он – дуб прямолинейный, и дальше носа ничего не видит! – вдруг начал сердиться Кузьмин, заставляя девушку задуматься о том, чего ждать от этого расследования дальше.

Балуясь чайком, за уединённым столиком, наблюдая, как Сергеич и Коля уплетают фирменный, от тёти Кати, пирог, Рябинина соображала с какого бока подступиться к делу, навязанному ей предателем-случаем, ясно понимая, что обладает для этого ничтожно малым количеством информации.

Когда трапеза, наконец, закончилась, она приступила к делу:

– Сергеич, мне нужна твоя помощь!

– Какая именно? У меня минут пятнадцать есть.

– Ты давно знаешь... знал Лину Евгеньевну?

– Как минимум лет десять.

– Какая она?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, какая она: добрая, злая, спокойная, уравновешенная или нервная, замкнутая или общительная?

Сергеич задумался лишь на пару секунд, пытаясь достать с какой-то полки своей памяти представление о Лине Евгеньевне:

– Лина – добрая, открытая. Даже слишком открытая. Доверчивая душа... Наивная, как неопытная девчонка. Но, вместе с тем, могла быть и твёрдой, даже порой жестокой... непредсказуемой, как все женщины.

Кузьмин резко остановился, словно натолкнувшись на невидимый барьер, за которым что-то осталось, и это что-то было видно лишь ему одному. Молчание длилось всего три-четыре секунды, и за это время, видимо, перед глазами старшего друга, всплыла картина, очень знакомая, но не совсем приятная, поэтому его лоб наморщился, как от боли. И было ясно, что боль эта вовсе не физическая.

Затем он достал из своей кожаной папки, с которой не расставался никогда, небольшую книжонку с тиснением на обложке «Ежедневник».

– Из-за этой штуки я и поспешил к Лине, когда услышал о её гибели. – произнёс он. – Это дневник... Я не мог допустить, чтобы посторонний, чужой человек копался в её записях, измеряя поступки и слова Лины с высоты своего понимания нравственности и безнравственности... Я решил отдать его тебе, Татьяна.

– Но почему мне? – запротестовала Татьяна. – Ведь я её совсем не знала.

– Теперь это не столь важно. – ответил Кузя. – Хочу доверить именно тебе последние полтора года жизни Лины... Возможно, дневник поможет открыть тайну её трагической гибели.

Глава 3. Дневник

Татьяна долго не решалась открыть дневник Лины, хотя он ужасно притягивал её.

Девушка намеренно отодвигала ту минуту, когда, наконец, возьмёт его в руки. Неспешно приняла душ, долго и с азартом оттирая себя до блеска, с видимым удовольствием выпила кофе, откусывая от любимого бутерброда с ветчинной колбасой маленькие кусочки, посмотрела новости по ОРТ, которые почему-то сегодня не трогали, рекламу, которая не раздражала назойливой глупостью. И даже тогда, когда новости закончились, она еще долго тянула с этим шагом.

Её руки сами потянулись к гадальным костям, к которым она не прикасалась уже давным-давно, и неожиданно для себя Татьяна решила:

– Да, это именно то, что сейчас мне нужно более всего – их совет!

Возможно, многие стали бы смеяться, назвав это чудачеством, но с недавнего времени, девушка стала доверять этим предсказаниям, испытав их верность на себе неоднократно, хотя и делала это очень редко, думая, что не стоит слишком часто «пытать» Тайну, ибо это – чревато.

Достав мешочек из чёрного бархата, и, высыпав в ладонку три гладких, отполированных неоднократно прикосновением, кубика, она нежно, как что-то живое и хрупкое, грела их в ладонях, нащёптывая всяческие нежности, разговаривая с ними, пытаясь расположить к себе, дать понять, что её сейчас волнует более всего, что она хотела бы узнать.

Замерев на несколько секунд, закрыв глаза и затаив дыхание Таня, наконец, произнесла вслух:

– Куда толкаешь ты меня Господин-случай, что несешь с собой?

Кости, как живые, выпорхнули из её ладоней, и, ложась полукругом, открыли взору комбинацию 4, 21, 25. Попытка определить что же означает эта комбинация на память ничего не дала. Пришлось достать распечатку из семи листов с расшифровкой комбинаций. «Позор и бесчестье падут на ваш дом, если вы не сумеете критически оценить положение вещей».

– Только этого мне и не хватало! – возмутилась она такой трактовке, удивляясь её актуальности.

– Следователь Селезнёв, пожалуй, готов на более жёсткие меры, – усмехнулась девушка, вспоминая общение с работником прокуратуры.

– Позор и бесчестье – пожалуй, некая гипербола, иносказание. Но неприятности, при таком стечении обстоятельств, видимо, неизбежны. – размышляла она вслух.

– Хотя я думаю в моих силах смягчить их удар, и даже свести к минимуму его последствия.

Налив ещё одну чашечку кофе, Таня уже думала совсем о другом, напрочь забыв о своём беспокойстве.

– Давай, Татьяна, думай, думай! Попытайся представить... Что если допустить элемент случайности, нечаянности? Вдруг дама застала кого-то, на месте преступления, крадущего её драгоценности, и стала грозить разоблачением, и тогда грабитель, в порыве страха и гнева, или чтобы припугнуть её, взял этот злополучный шарф, ставший в его руках орудием убийства. Осознав, что дама мертва, испугался ещё больше и убежал...

Замок не был взломан, и, если грабитель проник туда, то, скорее всего у него был ключ. Но тогда это был не Андрей! Почему? А потому что он всегда бы смог найти предлог своего

присутствия в квартире. Версия явно не выдерживала никакой критики. Следовательно, никакой случайности или нечаянности там не было. Дама знала посетителя в лицо, и сама открыла ему дверь.

Мысли Татьяны прервал телефонный звонок, возвращая от предположений и версий в реальность. Звонил Кузьмин. Он сообщил, что взяли Таро, который появился на квартире Лины, утверждая, что пришёл поговорить с ней.

– Соседка рассказала следователю, что около восьми вечера в квартире Лины был сильный шум. Она утверждает, что слышала два голоса: женский и мужской. Пара громко скандалила. Лина плакала, кричала, что он – неблагодарный мальчишка, что она доверяла ему, боготворила, как могла, поддерживала, а он подложил ей такую свинью. Мужской голос было слышно хуже, но соседка уверяет, что слышала слово – убью. Слышала хорошо. Потом хлопнула входная дверь и все затихло.

– Заключение судебно-медицинской экспертизы готово? – спросила Татьяна.

– Смерть наступила в результате асфиксии в районе 21 часа. Никаких следов насилия, кроме странгуляционной борозды на шее, не обнаружено.

– А это значит, – сделала вывод Татьяна, – что когда Андрей уходил от Лины она была жива.

– Ему ничего не стоило вернуться назад через некоторое время. – ответил на её вывод полковник. – Поразмыслил на досуге, чем для него чреват разрыв с Линой и вернулся...

– Чтобы убить? Зачем ему это? Если её помощь была необходима Андрею, то смерть, напротив, была невыгодна!

– Ну почему убить? – не согласился Сергеич. – Возможно изначально у него были совсем другие намерения: попросить прощения, помириться. Но, встретив полное непонимание, а, возможно, и агрессивное нежелание не только не прощать, но даже больше не видеть его, в гневе схватил шарф и...

– Андрей вполне уравновешенный, спокойный человек и такое поведение с ним никак не вяжется.

– Ну, это первое впечатление, Таня, и оно ничем не подтверждено. Первое впечатление зачастую обманчиво.

– Не забывай, Сергеич, что я изучала его почти неделю. – напомнила Татьяна.

– Иногда и года мало. Да что там года – и жизни порой не хватает, чтобы узнать на что способен человек. Я, например, до сих пор не знаю, какая ты на самом деле, хотя знаком с тобой гораздо дольше недели.

– Игорь Сергеевич! – начала сердиться девушка. – Разговор не обо мне. Хотя слышать от вас такое обидно. Разговор идёт об Андрее. Он – не преступник!

– Слова-слова, одни слова. Где доказательства? Ты же знаешь, что Фемида слепа и глуха к словам – нужны факты. Уверена в его невиновности – докажи! – твёрдо, почти приказным тоном, ответил Кузьмин на её эмоциональный всплеск, и Татьяна поняла, что он абсолютно прав: слова к делу не пришьёшь.

– Договорились. – ответила она, понимая, что сама себя загнала в ловушку, и что теперь ей не отвертеться от этого дела.

– Договорились. – повторил за ней Кузя.

– Но с одним условием. – поспешила Татьяна выторговать для себя некоторые льготы.

– С каким ещё условием? – в голосе полковника явно сквозило недовольство.

– Я должна быть в курсе официального расследования.

– Татьяна, укоризненно произнёс Кузьмин, – ты же знаешь, что тайна следствия – звук не пустой...

– Знаю-знаю! – перебила она. – И поэтому не настаиваю на доскональном её знании – согласна на краугольные, так сказать, камни.

– Будут тебе камни! – рассмеялся в трубку Кузьмин. – Уж это я тебе обещаю.

– Есть, товарищ полковник, – согласилась Татьяна, рапортуя. – Разрешите приступить к выполнению задания?

– Приступайте, товарищ частный детектив! – разрешил он, поддерживая игру.

Положив трубку, Таня некоторое время смотрела в окно, стараясь думать о чём-то нейтральном: о небе, облаках, о том, что ей нет ещё и двадцати пяти, и что в её возрасте женщина должна, наверное, думать о нарядах, развлечениях, кавалерах, а у неё на уме – расследования, подозреваемые, статьи уголовного кодекса.

Улыбнувшись своим мыслям, она поняла, что её сетования – скорее дань обстоятельствам, чем серьёзные угрызения.

– Не ко времени ты, Татьяна, решила покопаться в своей душе, – отчитала сама себя вслух. – У тебя на шее непростое, весьма запутанное дело. Под угрозой судьба человека, который, я уверена, не убивал Лину, однако, не смотря на это, находится под стражей, а ты тут рассуждаешь о своих переживаниях! Не понимаю тебя и не одобряю!

Осудив и заклеймив себя таким образом, Татьяна решила продолжить рассуждения, прерванные звонком Кузьмина.

– Помнится, что я уже одну версию отмела? Тогда, может быть, эта версия имеет право на существование: после моего ухода от Лины у неё появляется Таро – это подтверждает и соседка Между ними происходит ссора. Затем Андрей уходит, хлопнув дверью, а Лина ещё некоторое время рыдает, т.е. в это время она ещё жива...

Возможно, что Андрей, осознав всю глупость своего поведения, через некоторое время возвратился назад, чтобы помириться, но Лина непреклонна, и тогда Андрей, в порыве гнева и досады, берет шарф... Эта версия непременно будет рассматриваться следствием как основная. Но она не может быть правильной, ибо совершенно не вяжется с тем, что я успела узнать об Андрее: его характере, темпераменте, моральном облике, отношении к людям...

Что могло случиться ещё? Вряд ли Лина уходила куда-то из дома: она была очень расстроена, плакала, а значит выглядела недостаточно хорошо для выхода куда бы то ни было. Значит версию, что она в сердцах могла привести кого-нибудь постороннего к себе, чтобы отомстить Андрею, нужно отмести сразу, как ошибочную. Кто-то пришёл – она открыла. Значит, гость был достаточно хорошо знаком ей, в противном случае она бы его непустила.

Воспользовавшись плохим настроением хозяйки, снижением внимания, рассеянностью, вечерний гость, улучив момент, снял злополучный шарф и задушил свою жертву. Затем забрал все ценное и ушёл. Хотя использование в качестве орудия убийства подручного средства скорее говорит о спонтанности, непреднамеренности убийства...

Эта версия показалась Татьяне более правдоподобной, и она решила, что работать нужно именно её. Тем более, что отработкой версии виновности в убийстве Андрея Таро, по видимому, вплотную займётся Селезнёв, и поэтому не стоит тратить на это время. Придётся выявить всех друзей и хороших знакомых Лины, да и Андрея тоже, пока это единственно верная линия расследования, а значит Татьяне предстоит много работы: дом моделей, которым

владела Лина, студенты-сокурсники Андрея, Марина. И самый первый, пожалуй, самый главный шаг – сбор информации на месте происшествия.

– Ну а пока все-таки придётся заняться дневником Лины Евгеньевны – этого не избежать, – решила Татьяна и, забравшись с ногами на диван, укрыв ноги мягким пледом, взяла в руки «Ежедневник», начала читать:

11.03. Я никогда не писала раньше дневников, и не знаю, как это делается, но вчера Нина Кузьмина посоветовала начать его, уверяя, что сейчас мне это необходимо.

Вчера было сорок дней Виктору. Собрались самые близкие друзья. Помянули. Вспомнили. Несмотря на дружеское участие, на тёплые слова, сказанные в этот вечер, у меня было какое-то странное ощущение, словно собравшиеся чувствуют себя виноватыми передо мной. Почему? В чём? В том, что постепенно отдаляются? Но это вполне понятно, ведь в большей степени это друзья Вити: его сослуживцы, сокурсники, друзья детства. К своим друзьям я могу причислить, пожалуй, только Игоря и Ниночку Кузьминых.

Когда все разошлись я всплакнула, вспоминая о том, какие интересные у нас собирались компании, как было хорошо, как весело... Душой нашей компании был Витя. Погибла душа – пропала и компания. Друзья приняли смерть Виктора, смирились с ней. Я же до сих пор не могу, не хочу верить в это! Мне всё кажется, что вот-вот раздастся звонок в дверь, я побегу открывать её, а на пороге он: улыбающийся, несурзанный, дорогой мой Витя! Но проходят дни, а в дверь никто не звонит, никто не тревожит мой треклятый покой, и мне начинает казаться, что я постепенно схожу с ума от этой чудовищной тишины.

Ушла с головой в работу: готова работать круглые сутки, чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, чтобы не оставаться наедине с собой. Совсем загоняла подчинённых – они уже начинают понемногу роптать. Но зато создали новую коллекцию «Весна-лето». Говорят – получилось неплохо.

Привлекла к работе двух молодых художников-модельеров Настю Волошину и Андрея Таро. Очень талантливые ребята. Сколько набросков! Сколько проектов! Живу только на работе. Дома умираю. Каждая вещь напоминает о прошлом, о Вите, о нашей жизни, нашей любви. Слезы текут ручьём. Вот и сейчас не могу удержаться...

Прочитав первую запись, Таня отложила дневник в сторону, раздираемая сомнениями: имеет ли она право вторгаться в личную жизнь человека, пусть даже погибшего. Но, поразмыслив немного, понимает, что её сомнения основаны не столько на этических соображениях, сколько на опасении стать свидетелем чего-то ужасного, трагического.

Барьер слишком крут, и, поэтому она не в состоянии продолжить чтение. Однако здравый смысл укрощает страх, нашёптывая, что в дневнике могут быть какие-то зацепки. Переислив себя, Татьяна всё-таки открывает дневник на закладке. Её взору предстают две последние записи.

Одна из них совсем короткая.

16.09. Снова приходил Виктор. Звал меня с собой, напоминая, что у него всё готово к моему появлению. Просила его немного подождать, и он начал сердиться, говорить, что не понимает меня, что скучает, не может больше без меня, и что я начинаю забывать его. Пыталась оправдываться, но Витя сказал:

– Не лги хотя бы себе! Зачем тебе этот мальчишка? Он не любит тебя и никогда не любил! Он спит с тобой за деньги!

Я разрыдалась, и Виктор исчез.

За короткой записью, показавшейся Татьяне настолько странной, словно написанной кем-то другим, я не Линой, следовала запись более обширная, и она приступила к ней.

17.09. Мы слишком много наговорили друг другу. Я назвала его в запальчивости обманщиком, неблагодарным и глупым мальчишкой. Он, в ответ, назвал меня истеричкой, несправедливой и эгоистичной. В гневе я подняла на него руку, готовясь ударить по лицу, но, увидев его широко открытые, почти обалдевшие глаза, опустила её, так и не осмелев сделать это. Он закричал отчаянно:

– Все, это – конец! Между нами всё кончено! – и выбежал из квартиры, что есть силы, хлопнув входной дверью.

Слезы хлынули у меня рекой. Я шаталась по квартире, как раненный зверь, звала то Витю, то Андрея, моля о помощи, но никто не отвечал.

Сколько провела в таком состоянии – не знаю. Выпила немного коньяка, чтобы успокоиться, но он не подействовал. Наконец, решила записать свои переживания в дневник, вылить на его страницы всю тяжесть моего раскаяния. Зачем я сделала это?! Зачем наняла частного детектива, чтобы узнать всё?! К чему мне это знание, когда я теперь потеряла всё, оставшись, как пушкинская старуха из «Сказки о рыбаке и рыбке», у разбитого корыта?... Звонок?... Андрюша?! Вернулся?!

Запись на этом обрывалась. Предположения, что дневник даст Татьяне хоть какую-то зацепку, не оправдались. Последняя запись Лины была невероятно сумбурной, взволнованной. Она дала Татьяне повод к рассуждениям:

– Лина кинулась к двери, уверенная в том, что за ней стоит возлюбленный. А, значит, она могла даже не поинтересоваться, кто там. Доказательством этого может служить и мое посещение: тогда она тоже не спросила кто, хотя в её двери нет глазка. Помнится, я про себя отметила это обстоятельство.

– Ах, Лина, Лина, – произнесла вслух Татьяна. – Как же вы были безрассудны и доверчивы. И это стоило вам жизни...

Случайность или закономерность? Я должна разобраться в этом, и как можно скорее. Итак, показания Лины Евгеньевны я выслушала, теперь ради торжества справедливости следовало бы выслушать противную сторону - Андрея Таро. Но Андрея правоохранительные органы уже изолировали от общества и попасть к нему на приём будет нелегко.

– Плохо, что в СИЗО у меня нет полезных знакомств. – посетовала Татьяна вслух. – Как бы это сейчас пригодилось. Правильно говорят: не имей сто рублей, а имей сто друзей. В моей работе без них, как без рук.

– Придётся обратиться за помощью к полковнику Кузьмину. – решила Таня про себя. – Пусть только попробует отказать! Сам подбил меня на это расследование – пусть хоть немного ощутит на себе всю тяжесть этого дела.

– Сейчас звонить не буду, пусть поживет пока в неведении. – рассуждала она вслух. – Позвоню утром: утро вечера мудренее, как гласит старая пословица.

Глава 4. Карма на санскрите – деяние

Утро застало Рябинину полусонной, плохо отдохнувшей, с тяжёлой головой.

– Кажется, вчера не пила. – вспоминала она вслух. – Почему так отвратно себя чувствую? Неужели так повлияла гибель Лины?

Против воли вспомнилось ужасное впечатление, которое произвел на неё контраст двух лиц: юного, полного жизни, желаний и веры в счастливое будущее и серого, скорбного в своей боли и несчастья.

Чтобы отогнать видение, она схватилась за телефон, и, прикинув, где в это время может находиться полковник, позвонила ему домой.

– Алло, квартира Кузьминых. – отозвалась супруга Игоря Сергеевича.

– Здравствуйте, Нина Анатольевна. Это Таня Рябинина.

– Танечка? Доброе утро. Как поживаете? Давно Вас не видела.

– Спасибо, Нина Анатольевна, нормально. А как у вас дела? Как мальчишки?

– Растут. — смеясь, ответила Кузьмина. – Хулиганят, как и все в их возрасте.

– Их можно понять, сами когда-то это проходили.

– Как сказать. Вот папа их не всегда понимает.

– Просто он забыл своё босоное детство!

– И я ему то-же самое говорю, а он не соглашается.

– У мужчин совсем иная логика. – проявила Татьяна женскую солидарность. – Кстати, а старший ваш мужчина ещё дома?

– Игорь! – крикнула Кузьмина в пространство. – Ты для Татьяны дома или тебя уже нет?

Таня рассмеялась в кулак, слушая бесхитростный юмористический призыв самой мудрой из всех знакомых ей милицейских жён. Нина передала ей ответ:

– Говорит, что для тебя – дома.

– Спасибо, Нина Анатольевна.

Тут подключился полковник:

– Здравствуй, Татьяна! Не слушай эту балаболку: она много чего наболтает.

– Все было сказано по делу – ничего лишнего.

– Так я и поверил! – рассмеялся хозяин. – Ты её всегда защищаешь.

– Не забывай, Сергеич, что я тоже женщина, а женщины должны быть солидарны.

– Тяжёлый случай. – констатировал Сергеич. – С вами лучше не спорить.

– Ну, то-то же! – рассмеялась в ответ Таня.

– Ты звонишь для того, чтобы выразить солидарность с моей супругой? – выразил сомнение Сергеич.

– Не только. – хитрым голосом ответила Рябинина. – Мне нужна встреча с Андреем Таро.

– С ума сошла?! – воскликнул Кузьмин.

– Пока нет.

– Как ты только до этого додумалась?

– Ты же сам уговаривал вчера взяться за это дело. – настаивала Таня. – Вот я и выполняю наш уговор.

– Татьяна, я уговаривал тебя покопаться на свободе, а не в ИВС. – протестовал Сергеич.

– Игорь Сергеевич, – попыталась расшевелить собеседника та, – ты прекрасно знаешь, что ответы на многие вопросы можно получить именно там, куда ты не хочешь меня пускать.

– Хотеть и мочь – разные вещи! – начал сердиться Кузьмин.
– Меня на мякине не проведешь, Сергеич! – усмехнулась Татьяна в трубку. – Я знаю прекрасно, что ты можешь организовать эту встречу. В противном случае не стала настаивать.
– Всё-то ты знаешь, всезнайка, – проворчал Сергеич больше для проформы, но собеседница понимала, что он уже обдумывал, как это сделать.
– Сергеич, ну хотя бы на полчаса?
– Ишь чего захотела! – возмутился Сергеич. – Полчасика! А почему не час или два?!
– Ладушки, согласна на двадцать минут.
– Чёрт с тобой! Приходи ко мне в одиннадцать – попытаюсь помочь.
– Как грубо, Сергеич! А где волшебное слово?
– Хаишь, Рябинина?!
– Нет, учу друга вежливому обращению с дамами.
– Ха, дама! – засмеялся в ответ Кузя.
– Да, Танечка – настоящая дама! И даже не смей в этом сомневаться! – подключилась к разговору Кузьмина.

Татьяна улыбнулась, слыша комментарии Нины Анатольевны в свою защиту и сказала:
– Благодарствую за приглашение, Игорь Сергеевич, передавайте Нине Анатольевне искреннее сочувствие и наилучшие пожелания.
– Это что ещё за сочувствие?! – взвился Сергеич, явно не понимая о чём речь.
– А вы передайте, – хихикнула Таня, – Нина Анатольевна поймёт.

Без пяти одиннадцать Рябинина уже находилась в приёмной начальника прокуратуры, и вежливо здоровалась с его заместителем Гужиным.
– Здравствуйте, Николай Иванович, я к шефу. Он у себя?
– Здравствуйте, Танечка! Вы все хорошеете и хорошеете! Рад видеть вас.
– Спасибо, Николай Иванович. Я тоже рада.
– Проходите, проходите, дорогая, он, как раз один, в кабинете.
– Спасибо. – поблагодарила та зама, прекрасно зная, о его позитивном к ней отношении. Завидев Татьяну, полковник бросил:
– Явилась, настырная деваха? В какое положение ты меня ставишь?!
– А кто ещё кроме меня может поставить вас, господин начальник, хоть в какое-то положение? – улыбнулась та в ответ. – Вас все боятся.
– Одна ты не боишься?
– Одна я не боюсь! Ты не забыл, Сергеич, что я уже не твоя подчинённая?
– Вот возьму сейчас и попрошу дежурного милиционера выпроводить тебя из здания! Посмотрю, как ты запоёшь!
– Ты не сделаешь этого, – парировала она.
– Почему же?! – удивился полковник.
– А потому что ты мне симпатизируешь.
– Кроме того, что она настырна, она ещё и самоуверенна?! – нарочито удивился полковник, делая вид, что недоволен поведением бывшей подопечной.
В ответ Татьяна сделала смиренное, покаянное лицо:
– Но вам, сэр, нравятся именно такие?
И они от души рассмеялись.

На смех заглянул майор Гужин.
– По какому поводу веселье? – поинтересовался он, – Уж больно заразительно вы тут угораете. Анекдоты травите?

– Ну, всё, – решила про себя Татьяна, – сейчас начнётся.

Поэтому поспешила выдать всё сразу и по полной:

– Нет-нет, приятели, анекдоты, пожалуйста, потом! У меня сейчас более серьёзное дело. Кстати, Игорь Сергеевич, как там моё дело?

– Дело? – переспросил полковник, словно напрочь забыв, о чём это ему намекают.

– Да-да, – подтвердила Татьяна, – именно дело.

Пока Гужин пытался рассказать какой-то анекдот, полковник звонил по телефону:

– Виктор Петрович, зайди ко мне... Да, сейчас.

Передоверив Татьяну Виктору Петровичу, Кузьмин кажется заинтересовался анекдотом, сразу забывая о ней. А Татьяна уже шагала по длинному коридору следом за Петровичем в правое крыло здания, пристроенное прошлым летом, в помещение, которое иногда использовалось для бесед с подозреваемыми.

– Слава Богу не в камеру для допросов, – подумала она, вспоминая о системе прослушивания.

– Побудьте здесь, сейчас его приведут, – попросил Виктор Петрович, – но учтите: только двадцать минут – не больше.

– Спасибо, Виктор Петрович. Хорошо. – согласилась Рябинина, приготавливаясь к предстоящему разговору.

Через пять минут открылась дверь и в кабинет почти втолкнули Андрея. Он был небрит, сердит, и явно не расположен к любезному общению.

– Здравствуйте, Андрей, – произнесла Татьяна. – Проходите, присаживайтесь.

– Ба! – захорохорился студент. – Знакомые всё лица!

Татьяна, чтобы с самого начала придать беседе большую серьёзность, представилась:

– Рябинина Татьяна – частный детектив. Мне нужно задать Вам, Андрей, несколько вопросов.

Но Таро, видимо, не был настроен на серьёзный разговор:

– Что вам нужно от меня, студентка Ирочка Славина, которая на самом деле – частный детектив Татьяна Рябинина? Разве вы ещё не завершили своё грязное дело?

– К чему этот пафос? – удивилась Таня. – Вы пытаетесь обвинить во всём меня?! Раскрыть ваше истинное лицо было не моим личным желанием, а желанием вашей покровительницы. Она считала, что имеет право на честность с вашей стороны, имеет право на правду.

– Какую правду?! – с болью в голосе воскликнул Андрей. – На ту, что представила ей ты?! Я и сам о своих чувствах не знаю всей правды! Как ты её могли узнать?!

– А тут и узнавать нечего! – начала сердиться Татьяна. – С состоятельными дамами спим – с девушками играем во влюблённость!

– Значит всё так понимаешь? – сверкнул, потемневшими от негодования глазами, Андрей.

– И не только я одна, – уверила его Татьяна.

И Таро неожиданно сник, осознавая беспомощность, неспособность доказать свою невиновность.

– Но я не убивал её! Не убивал! Почему вы все не хотите поверить в это!

Таня не стала вступать в его монолог, надеясь, что Андрей выскажет всё, что у него на душе: бесхитрость и прямодушные парня на его курсе уже давно стали притчей во языцах. Но он неожиданно умолк, вновь замыкаясь в себе.

– Соседка видела, как ты приходил к Лине около восьми вечера. Слышала, как вы скандалили. Слышала, как Лина рыдала.

– Тогда она, наверное, слышала и как я ушёл, хлопнув дверью, а Лина продолжала бесноваться?

– Да, это так, – согласилась Татьяна. – Но ты мог вернуться чуть позже и задушить её. После твоего ухода кто-то приходил ещё. Где гарантия, что это был не ты?

– Гарантии может и нет, – криво усмехнулся Андрей, – но есть здравый смысл: для чего мне её смерть, ведь теперь я лишился поддержки, а мне ещё два года учиться? Со второго семестра прошлого года нас перевели на самокупаемость, и теперь два раза в год нужно платить за обучение значительную сумму. У моей матери таких денег нет... Она часто болеет – мне самому приходится помогать ей.

– Расскажи, как вы познакомились с Линой? – попросила Татьяна.

– С Линой... Евгеньевой? – переспросил Андрей, выдавая полную растерянность.

Татьяна смотрела на парня, пытаясь представить, что сейчас творится в его душе. Ей понятна и агрессивность Андрея и даже его растерянность: попадая в такое положение, зачастую, человек, ни разу не бывавший в качестве подозреваемого, не способен какое-то время адаптироваться к правилам поведения несвободного человека – это вызывает неосознанный протест, который может выражаться по-разному, начиная от агрессивности и заканчивая безволием и подавленностью.

– Это плохой признак! – подумала она обеспокоенно. – Мне приходилось видеть, как в таком состоянии, подозреваемые брали на себя то, что по логике вещей, сделать не могли даже в сильном душевном волнении.

– Успокойся, пожалуйста, – попросила она парня. – Ещё ничего не потеряно. Я уверена в том, что в смерти Лины Евгеньевны ты не виновен. Уверена, слышишь? Не вздумай взять всю вину на себя и подписать, так называемую явку с повинной: уверена, что Селезнёв уже предлагал это!... Рассказывай мне всё, как на духу.

– Зачем? – вновь усмехнулся Андрей.

– Я по образованию юрист. Чем смогу – помогу. Найдём адвоката – он тебя вытащит.

– У меня нет денег на его оплату!

– На этот счёт можешь не волноваться: что-нибудь придумаем.

– Нет-нет! – яростно запротестовал Андрей. – Хватит с меня покровителей!

Татьяна недоуменно посмотрела на него, и вдруг поняла, что он имел в виду:

– Ты думаешь, что я набиваюсь тебе в покровительницы?!

Андрей, от неожиданно едкого вопроса, начал краснеть, а Татьяне стало смешно.

– Не надейся и не жди! Мне самой в пору какого-нибудь богатенького Буратину отыскать. Жаль они на дороге не валяются.

Её притворно опечаленный вид вызвал у Таро гримасу, едва ли напоминающую улыбку.

– Вот видишь, дружок, не всё так плохо, как кажется. Я постараюсь тебе помочь, но ты киснуть прекращай: загорюй воробей – курица обидит.

Её бодрый тон несколько приободрил Андрея, и он начал свой рассказ с того, что его мать, Смирнова Вера Дмитриевна, живёт в райцентре; что больше у них нет никого; что отца своего он не помнит.

– Мама рассказывала, что отец умер почти сразу же после моего рождения... Поэтому она – Смирнова, а я – Таро. Она не успела взять фамилию отца.

Андрей вкратце рассказал о своей жизни до поступления в университет: учёбе, работе, о том, что помогал матери в ателье.

– Мама, сколько себя помню, работала в швейной мастерской закройщицей. Даже дома у нас везде были выкройки, материя, слышалось стрекотание швейной машинки. Я с этим вырос. Потом стал помогать матери, потому что она сильно уставала...

Несмотря на это, школу закончил с золотой медалью. Мама настояла, чтобы я поступал учиться на модельера женской одежды. В университете такого факультета не было, и я выбрал факультет художественного оформления и дизайна. Поступил. Определился в общежитие: на квартиру денег не было.

Вначале было трудновато: денег ни на что не хватало – жил впроголодь, немного поддерживали приятели по общежитию. На втором курсе начал понемногу подрабатывать. Запретил маме присылать деньги: сказал, что мне хватает стипендии. Старался учиться на повышенную.

Но перед зимней сессией объявили, что за второй семестр придётся платить кругленькую сумму, и у меня опустились руки: я понял, что моё обучение подходит к концу. Было желание бросить всё и вернуться домой, но жаль было огорчать маму: она так хотела видеть единственного сына образованным, удачливым, благополучным. Тут и подросла Настя Волошина со своим предложением...

– Да ты её знаешь, – ответил он на вопросительный взгляд Татьяны. – Она на моём курсе. Ну, такая худенькая, веснушчатая.

– Знаю, – согласилась Таня.

– Настя предложила работу в «Доме моделей» Вороновой, где работала её мать, да и она сама часто бывала. Так я познакомился с Линой Евгеньевной. Показал свои наброски – ей понравилось. Она прямо-таки загорелась нашей идеей создать весенне-летнюю коллекцию для молодых женщин. Взяла нас на работу...

Проработав месяц, стал замечать, что хозяйка относиться ко мне не так, как ко всем остальным: оказывает знаки внимания, подолгу беседует, интересуется моей семьёй, учёбой, жизнью. Странное поведение Лины Евгеньевны стала замечать и Волошина, и однажды предъявила претензии, что хозяйка запала на меня. Я рассердился на Настю, мы повздорили. Но я не могу долго держать обиду, и буквально на следующий день мы с ней помирились...

Андрей замолчал, словно собираясь с мыслями, а Таня с опаской поглядывала на часы, потому что время, отпущенное для разговора, неумолимо таяло. Видя её беспокойство, Андрей продолжил свой рассказ.

– Тут в университете объявили, что тех, кто не внесёт оплату, до занятий не допустят. Я запаниковал и пошёл к Лине Евгеньевне просить выплатить зарплату за год вперёд. Она удивилась просьбе, предполагая, что я хочу потратить деньги на какую-то девушку. Я объяснил для чего на самом деле нужны мне деньги.

Хозяйка думала не долго, потом сказала, что у неё достаточно солидная фирма, и может себе позволить оплатить учёбу необходимого специалиста.

– Тем более в уставе фирмы есть пункт об обучении кадров и повышении квалификации – уверила она меня.

Мы ударили по рукам, и я был на седьмом небе от счастья. На следующий день хозяйка дала мне нужную сумму и я, оплатив второй семестр, сам того не подозревая, попал в материальную зависимость. Спустя три месяца мы стали любовниками.

– Как ты относился к Лине?

- Как к матери! – не задумываясь отвечает Андрей.
- Его ответ шокировал Татьяну, и она отреагировала на него откровенно резко:
- Трудно относиться к женщине, как к матери, когда делишь с ней одну постель!

И лицо Андрея снова покрылось краской.

- Ты меня не так поняла! Я уважал её, ценил Лину, как человека.
- Но это не мешало тебе спать с ней?! – не унималась Таня.
- Ещё как мешало! – запротестовал Андрей. – Но я не видел иного способа отблагодарить Лину Евгеньевну за всё хорошее, что она делала для меня.
- Сколько длилась ваша связь?
- Больше года.
- И ты не думал прервать эти неестественные отношения, ведь у тебя появилась Марина?
- Если скажу нет – ты не поверишь, поэтому не скрою: задумывался над этим, но сказать Лине не решался. Потом появилась ты со своей шпионской миссией, и всё покатилося, как ком с горы...

Андрей снова остановился и Татьяна попросила:

- Рассказывай дальше – у нас остаётся мало времени.
- Этот вечер, наш разговор с Линой, всё время стоит перед глазами... – продолжил Андрей. – Я считаю себя виновным лишь в том, что не сдержался и, отреагировав на её крик, сказал такое, что говорить не имел права.
- А именно? – поинтересовалась Таня.
- Я сказал всю правду. Сказал, что испытывал к ней только уважение и... Жалость. Признался, что у меня не хватило смелости сказать сразу, что не могу любить её...

Лина была очень зла: она кричала, топала ногой, и, наконец, просто выгнала меня, сказав, чтобы я больше никогда не показывался ей на глаза.

Я убежал. Долго бродил по городу, пытаюсь успокоиться, остыть, но, как только вспоминал разъярённое лицо Лины, её глаза, полные боли и ненависти, вновь начинал ходить кругами. Наконец, не выдержал и позвонил Марине.

- Ты разговаривал с Мариной?
- Да, мы долго говорили с ней. Я рассказал, что порвал с Линой. Она ведь хотела этого, объясняя свою холодность тем, что у меня связь со взрослой женщиной.
- Не помнишь в какое время ты звонил Марине?
- Нет, у меня не было часов. Но думаю, что около девяти часов, потому что домой я вернулся в половине десятого.
- Откуда ты звонил?
- С автомата.
- И тебе позволили так долго говорить?!
- В это время не так много людей, желающих общаться по уличному автомату, – пояснил Андрей. – Потому и разговаривали долго, что никто не помешал.
- Ты рассказывал об этом разговоре следователю?
- Рассказывал, – вяло ответил Андрей.
- И что?
- Следователь сказал, что ради спасения своей шкуры, я могу выдумать всё, что угодно.
- Но ведь есть ещё один участник разговора – Марина!
- Селезнёв сказал, что её показания он учитывать не может: она лицо заинтересованное.
- Что за чушь?! – удивилась Татьяна. – С чего он делает такие выводы?
- Я не стал настаивать, потому что не хочу, чтобы в это дело втягивали Марину.

– Не понимаю тебя! – повысила голос Рябина. – Ведь это твоё алиби.

Но Андрей, словно не слышал её:

– Никак не могу понять, почему получилось всё так, а не иначе?

– Наверное, во всём виновата карма.

– Чушь! – воскликнул он. – Ты знаешь, что карма переводится с санскрита, как деяние?

– Где-то я уже слышала это, – не совсем уверенно призналась Татьяна.

– Когда человек не хочет признавать свои ошибки, или свою вину – он сваливает всё на карму. В гибели Лины виноват и я: если бы не проявил слабости, не поддался чувству сострадания к ней, то не попал бы в унижительное положение альфонса.

– По моему мнению ты, Андрей, виноват в том, что встретив Марину и, завязав с ней отношения, ничего не сказал об этом Лине Евгеньевне, а продолжал бывать у неё, принимать помощь.

– Ты же знаешь, что я пока не мог отказаться от помощи: мне были нужны деньги, чтобы платить за обучение!

– Как я поняла из твоего разговора, в последнее время ты работал, и, наверное, неплохо получал?

– Если бы я рассказал о Марине, то вряд ли смог рассчитывать на работу в фирме: Лина была не только ревнива, но и не умела прощать.

– Измену не каждый способен простить! – не совсем миролюбиво запротестовала Таня, – Особенно, если считать её предательством.

Андрей внимательно посмотрел на частного детектива, и в его взгляде явно проскальзывает непонимание. Возникло некоторое замешательство. Пауза, давая собеседникам возможность, подумать о только что услышанном и сказанном.

– Андрей, как по твоему, у Лины были враги? – поинтересовалась Татьяна.

– Не думаю. Хотя, наверное, у каждого человека они есть. Тем более в модельном бизнесе: тех же самых конкурентов, при определённых обстоятельствах, можно считать врагами. Нет, явных врагов у Лины Евгеньевны не было. Завистники, злопыхатели, мелкие пакостники и клеветники – не без этого, но, чтобы дойти до убийства – это слишком серьёзно.

Татьяне хотелось задать ещё пару вопросов, но открылась дверь, и официальным тоном было объявлено, что время беседы закончено и что подозреваемого ожидает следователь Селезнёв.

Рябина, провожая Таро до двери успела сказать ему:

– Стой на своей версии, помни, что я тебе говорила. Если он станет путать показания, повторяй слово в слово всё то, что говорил во время своего первого допроса – не сбейся.

– Я не собьюсь, – заверил её Андрей – потому что всё, что я ему рассказывал – правда. Всё, до последнего слова.

Когда он уже стоял на пороге, Таня подбодрила:

– Не горюй, воробей!

Глава 5. Адвокату – адвокату

Кузьмин советовал Татьяне до поры до времени не попадаться на глаза следователю Селезнёву, поэтому она старалась, как можно быстрее улизнуть из здания прокуратуры, но поспешность не спасла: уже вдогонку ей донеслось:

– Здравствуй, Танечка Рябина! Это ты?! Какими судьбами?

Скривив кислую мину, Татьяна поняла, что придётся здороваться с глазастым сотрудником, и, поворачиваясь на голос, успела надеть маску радостного удивления:

– Олег Витальевич?! Сколько лет, сколько зим?!

– Да уж месяца два. – ответил Краснов Олег, учившийся некогда с ней на параллельном курсе, а сейчас работающий в том же отделе, что и Селезнёв.

– Бог шельму метит, – подумала Таня, улыбаясь всё так же натужно.

– Всё хорошеем? – поинтересовался Олег. – Как дела, Танюша? Не заходишь – не звонишь.

– Вот, зашла, – мнётся та, горя единственным желанием исчезнуть, испариться, провалиться сквозь землю.

– Ты торопишься? – спросил Олег, видя её напряжённое состояние.

И Татьяна ответила без обиняков:

– Если честно, то да: через пятнадцать минут у меня встреча.

– С молодым человеком?! – понимающе улыбнулся Краснов.

– Нет, с девушкой, – ответила Таня достаточно сухо, желая поскорее отделаться от назойливого сотрудника. – Не обидишься, если я тебя оставлю?

– Очень жаль, – произнёс Олег, стараясь выказать своё расположение девушке. – Может быть, всё-таки как-нибудь посидим, поболтаем? Вспомним годы молодые?

– Непременно, – широко улыбнулась та. – Созвонимся как-нибудь?!

– Созвонимся, – понижая голос, ответил Олег, явно неудовлетворённый её ответом.

– Извини, Олег, – сказала Таня, – у меня мало времени. Пока?

Она сделала прощальный жест рукой и, быстрым шагом, удалилась прочь: подальше от здания, в котором проработала около трёх лет, думая на ходу:

– Теперь торопиться нет смысла: слишком общительный Краснов растрезвонит на всю прокуратуру, что его посещала Татьяна Рябина, которая влюблена в него, как кошка. Ха-ха-ха!

К таким высказываниям Татьяна привыкла, и они её уже не волновали. Волновало то, что о факте её появления, станет известно Селезнёву, а уж он умеет к двум прибавить два, и несомненно, докопается, что она разговаривала с Андреем. И тогда всё: дорога сюда будет заказана. Старый, хитрый лис, примет все меры для того, чтобы её даже близко не подпустили к Андрею. Вывод огорчил Татьяну своей негативностью, подгоняя и без того лихорадочную работу мысли.

– Нужно немедленно искать адвоката! – произнесла она вслух, не осознавая, что разговаривает сама с собой.

– Вы что-то сказали? – спросил мужчина, находившийся рядом с ней.

– Нет-нет! – ответила она. – Извините, просто мысли вслух.

И мужчина опасливо отошёл в сторонку, но Татьяна была уже вся в себе и этого не заметила. Отмахав пол квартала почти солдатским шагом, она поняла, что от себя не убежишь,

поэтому решила дальнейшие шаги обдумать в каком-нибудь укромном месте. Лучшего места, чем кафе, не нашлось.

Устроившись за столиком спиной к небогатой клиентуре, в основной своей массе состоящей из сотрудников, расположенного рядом РОВД, она несколько секунд оглядывала до боли знакомый интерьер с искусственными пальмами, салатовыми шторами и белыми, пластиковыми наборами столовой мебели. Потом принялась за фирменный пирог, запивая маленьким глотками апельсинового сока. Мысли девушки витали далеко от места нахождения, выуживая из кладовых памяти лица, фамилии и адреса сокурсников, работающих в настоящее время адвокатами.

– Кто из них согласится на минимум оплаты, не соизмеряя её с физическими и моральными затратами? Вешкина Ирина? Адвокат слабенький, и Андрея не потянет, то бишь не вытянет... Славина Наташка – в замужестве Гусева? Её сейчас нет в городе. Колюня Уваров? Хоть и неплохой адвокат, но больно хитёр и ненадёжен: из-за малого гонорара в любой момент может переметнуться в лагерь противника. Хотя орешек, наверняка расколется очень скоро. Нет, не подойдёт...

Остаётся Топилин Сергей. Всем хорош, Топилин: и талантлив, и неглуп, и честен, но у него семья. Недавно родились девочки-близняшки... Вряд ли он согласится на небольшую сумму гонорара.

– Придётся убеждать, – снова выдала мысли вслух Татьяна, не обращая внимания на то, что сидящий за соседним столиком лейтенант милиции, начал интересоваться ею, бросая любопытствующие взгляды.

– Нужен запасной вариант для подстраховки, – решила про себя Татьяна. – В Заводском районе, по моему, работает адвокатом Верочка Свеженцева: она, хоть послабее Топилина, но надёжнее Колюни.

Выпив залпом остаток сока, Татьяна уже знала, что будет делать дальше, и твёрдым шагом, с сияющей улыбкой, походкой от бедра направилась к выходу, преследуемая взглядами всё того же лейтенанта.

Улыбаясь своей «неотразимости» и сообразительности, она тут же остановила такси, краем глаза замечая, что на её походочку клюнул тот, кто «пас» её в кафе. Уехала прямо из-под его носа, помахав на прощание ручкой.

- Оставила с носом? – засмеялся водитель.
- Да, уж, – слегка развязно ответила Татьяна.
- Что так? – спросил общительный таксист.
- Не понравился, – улыбнулась в ответ Рябинина.
- Смотри ты?! Какой же тебе нужен?
- Никакой! У меня уже есть! – соврала Таня.
- Ну тогда, конечно. Одобряю.

Татьяна пропустила мимо ушей слова одобрения, поглядывая на дорогу.

- Куда везти, красавица? – поинтересовался водитель.
- К Сенному рынку, – попросила она, резко сменив вольность на серьёзный вид..
- К Сенному – так к Сенному, – повторил водитель, дивясь резкому изменению настроения пассажирки.

Дорогой он попытался разговорить девушку, но у той в уме уже прокручивались варианты встречи с Топилиным, и на слова водителя она почти не реагировала.

Последний раз Таня видела Сергея около двух лет назад во время встречи с сокурсниками. Они сухо поздоровались, говорили о чём-то, ради приличия, и так же, сухо попрощавшись, разошлись. Сергей не мог простить Татьяне, что она не ответила на его чувства, в корне отвергая ухаживания. Он так и не понял, что она делала это вовсе не из-за того, что была к нему равнодушна, а из-за того, что знала о том, что он сожительствует с Тасей Вулич, которая давно была от него без ума.

Через два месяца после этой встречи, Сергей и Тася поженились, а через полгода у них родились близняшки Саша и Даша. И теперь, по словам Татьяниной подруги Ирины, силой обстоятельств заброшенной на крестины девочек, Серёга счастлив и горд своими дочурками.

– Надеюсь, теперь наша встреча будет более тёплой, чем в прошлый раз? – подумала Таня, поглядывая на стремительно приближающийся рынок.

Расплатившись с таксистом, она постаралась взять себя в руки, чтобы предстать перед Топилиным, к которому в своё время испытывала гораздо большее чувство, чем простой интерес, уверенной в себе, в меру смелой, в меру остроумной, твёрдо стоящей на ногах современной женщиной.

– Очаровать – увлечь – заразить! – наметила Татьяна план действий, осознавая определённую сложность поставленной перед собой задачи.

Адвокатская контора Топилина находившаяся неподалёку от рынка, была весьма заметна и своим расположением, и вывеской. Под окнами здания, на первом этаже которого и находилась контора, стояло несколько автомобилей престижных иномарок, и Татьяна подумала:

– Видно, авторитет Топилина сильно вырос в глазах посетителей: своя контора, своя машина, крепкая семья...

В приёмной секретаря находилось несколько посетителей, но Таня прошла мимо них. Открывая дверь кабинета Сергея, она услышала за спиной недовольные высказывания:

– Опять лезут без очереди?! Да, что это такое?!

Топилин что-то заинтересованно обсуждал с женщиной лет сорока пяти, объясняя её права. Секретарь, соскочив со своего места следом за Татьяной, всем своим видом дала понять, что собирается выдворить её из кабинета, но та спокойно отвела руку девушки и направилась к столу Сергея. Протест секретаря затух за её спиной, когда она увидела реакцию своего шефа.

Реакция, действительно, была странной: сначала глаза Сергея вспыхнули детской радостью, а губы расплылись в улыбке, затем губы дернулись и начали кривиться, пытаясь изобразить не-то удивление, не-то недовольство. Но Татьяна не захотела принимать конечной реакции: начало ей понравилось больше.

– Здравствуй, Сергей Николаевич! – обрадовалась она так искренне, что глаза Сергея начали округляться. – Несказанно рада видеть тебя!

– Здравствуй, Татьяна... Владимировна... И я рад.

– Вижу- вижу! – ответила Таня, добродушно улыбаясь.

– Правда, рад, – неожиданно заявил Сергей, не пытаясь больше ничего изображать.

– Вот это уже правдоподобней, – порадовалась Рябинина, – У тебя найдётся несколько минут для старинного друга?... Очень нужно поговорить.

– Сейчас закончу с клиенткой... Минут пять подождёшь?

– Конечно, – согласилась Таня, вполне довольная ходом событий.

– Катя, – попросил Топилин секретаря, – организуй, пожалуйста, Татьяне Владимировне, кофейку – твоего, фирменного.

Катя наморщила носик, глядя на Татьяну, явно не одобряя такое отношение к незнакомке, но ответила шефу улыбкой:

– Сейчас, Сергей Николаевич, сделаем! И походкой королевы удалилась в соседнюю комнату

– Татьянка, – обратился к ней Топилин, – может ты тоже пройдёшь в комнату отдыха? Там есть кресла, телевизор – посмотришь что-нибудь, а я тем временем завершу работу?

Татьянка (надо же не забыл!) кивнула в знак согласия и прошла следом за секретарём, демонстративно прошествовавшей мимо неё пару минут назад. Секретарь встретила её заинтересованным взглядом и, хозяйским жестом пригласила садиться в кресло, расположенное возле журнального столика из стекла и какого-то тёплого, словно живого, дерева, и, как только та расположилась в кресле, поинтересовалась:

– И давно вы знаете Сергея Николаевича?

В голосе девушке слышалась, едва скрываемая, ревность.

– Хорошо устроился! – подумала Татьяна, решая проучить нахальную девчонку своей скрытностью, и поэтому пожала плечами, молча взяла в руки пульт, включая первый канал и, приглушая звук.

Но Катерина не собиралась сдаваться:

– Сергей Николаевич в этот кабинет приглашает только близких друзей.

– Неужели? – отреагировала Татьяна на откровение секретаря. – Я и есть такой друг, и Сергей меня интересуется, только, как адвокат.

– А мне-то какое дело до этого? – вздёрнула маленький носик Катерина, явно противореча, своему поведению.

– Никакого, – согласилась Таня, внутренне усмехаясь.

Взаимное недоверие не оставило возможность двум особам женского пола плодотворного общения, поэтому они сделали вид, что каждая занята важным делом: секретарь готовила кофе, а Рябинина просматривала картинки на телеэкране: именно просматривала, потому что вслушиваться в то, что что он вещал, у неё не было ни настроения, ни желания.

Чуть прикрыв глаза веками, Татьяна попыталась расслабиться и настроиться на предстоящий разговор, не обращая внимания на Катерину, развивающую за её спиной кипучую деятельность. Её спокойствие и скрытность, видимо, задела секретаря, поэтому она что-то громко уронила на пол, возвращая Таню из состояния внутреннего сосредоточения на поверхность, в действительность.

– Извините, – вежливо попросила Катерина. – Я вас, кажется, разбудила?

– Ничего, – ответила Таня, едва удерживая усмешку. – Я ещё не достигла того возраста, когда засыпают, едва коснувшись головой чего-либо мягкого... Просто задумалась... Вам, Катенька, приходилось задумываться?

– Было однажды! – с ехидной ноткой в голосе ответила та, перепутав, видимо, задумываться со словом – думать.

– Вот и я в первый раз задумалась, – произнесла, как можно мягче и искренней Татьяна, решив расположить к себе своенравного секретаря. – Иногда в жизни человека возникают такие обстоятельства, когда ему необходима помощь друзей... А Сергей для меня и есть единственный друг, который может помочь.

Рябинина смотрела в лицо Катерины, которое постепенно превращалось из высокомерного в думающее, и, чтобы закрепить результат, продолжила дальше:

– Я слышала от знакомых, что Сергей Николаевич замечательный адвокат – адвокат от Бога, и что у него очень грамотный, знающий помощник... Давно хотела навестить вас, чтобы выразить уважение, но работа отнимает столько времени...

Лесть Татьяны начала действовать, меняя лицо «грамотной помощницы» на более приветливое.

– Лёд тронулся, господа присяжные заседатели! – мысленно усмехнулась Таня, продолжая свой эксперимент дальше:

– Можно я буду звать вас Катей?

– Конечно.

– Благодарю вас, дорогая, – произнесла Рябинина. И добавила, как можно мягче:

– Я пью кофе без сахара, Катя. А вот, если у вас есть к нему ещё и галетное печенье, то это будет верхом совершенства.

– У нас как раз есть такое печенье! – обрадовалась совпадению Катерина.

А Татьяна подумала про себя:

– Глупенькая, девочка, я прекрасно знаю вкусы твоего шефа!

Эта безобидная игра несколько наладила отношения, складывающиеся между девушками. Пока гостя пила кофе, похваливая кулинарные способности Катерины, та мило щебетала, рассказывая о совместной работе с Сергеем Николаевичем, и Таня всё более убеждалась в том, что тут нечто большее, чем совместная работа.

– Катенька, – поинтересовалась она, – вы давно работаете с Сергеем Николаевичем, и думаю неплохо его изучили... Как вы думаете, он возьмётся защищать молодого человека, несправедливо обвинённого в убийстве?

Взгляд синих глаз был цепок и серьёзен, но ответа пока не последовало: обладательница красивых глаз думала – соображала. Пришлось задавать ей ещё один наводящий вопрос:

– Всё зависит от обстоятельств, или гонорара?

– По разному... Гонорар? Не без этого. Но дело прежде должно быть интересным.

– Интерес можно обеспечить, – рассудила Таня вслух, – а можно и подогреть.

– Не-е-е-т! – так посмотрела на Татьяну синеокая красотка, хитренько прищурился глаза, словно знала то, что той знать не дано. – Интерес должен быть чистым – без примеси!

– О-о-о, – в свою очередь решила Таня (только не вслух), – а ты девочка, не так проста, как кажешься с первого взгляда.

Между тем Катенька опустила глазки вниз, осознав, что выдала себя с головой, но Таня отреагировала так, словно ничего не поняла:

– Ну, интерес, положим, чист, как стёклышко, хоть и не на поверхности.

Катерина ответить не успела, потому что открылась дверь и зашёл Сергей.

– Ну, что, девицы-красавицы, не заскучали тут без меня? – поинтересовался он, сверкая улыбкой.

– За чашечкой отличного кофе и приятной беседой, ещё никто не скучал, – улыбнулась в ответ Таня.

Топилин понимающе улыбнулся в ответ и сказал, обращаясь к помощнице:

– Катерина, отдайте готовую документацию Миграняну и Кретовой, и объявите остальным, что я буду принимать после трёх.

– Хорошо, Сергей Николаевич, а как с договором Алёхиной Натальи Викторовны?

– Если вы придёте минут на 15—20 раньше и закончите договор, то моя благодарность не будет иметь границ... А я приду к трём и его заверю.

– Хорошо, – вновь согласилась Катюша, тая, как воск, под взглядом опытного ловеласа Топилина.

– У тебя обед два часа? – поинтересовалась Рябинина, провожая взглядом секретаря.

– Представь себе: да! – радостно ответил тот, глядя на неё таким же взглядом, каким только что проводил секретаря.

– Хотела бы я знать, чему он так радуется? – подумала Татьяна. – Тому ли, что у него такой большой обеденный перерыв, или тому, что мы встретились? Меня бы больше устроило второе.

– Пойдём?! – предложил Сергей.

– Куда? – заинтересованно подняла правую бровь Таня.

– Ты не меняешься, Татьянка! – засмеялся он. – Всё те же настороженность и недоверчивость! И эта бровь, взлетающая вверх, как это знакомо!

– Вижу, ты неплохо знаешь меня, – в ответ усмехнулась Рябинина.

– За четыре года учёбы изучил...

– Так мы идём или нет? – напомнила она, переключая внимание со своей персоны в нужное русло.

– Идём, – решительно ответил Сергей, предлагая ей руку.

– О, нет, – решила Таня про себя, – этот, вполне невинный жест, может стоить мне доброго отношения твоей помощницы.

– Только после Вас, сэр! – произнесла она, давая хозяину кабинета зелёную улицу.

Осторожность не пропала втуне: их появление встретили не только придирчивые глаза Катерины, но и ещё несколько пар взглядов, клиентов, присутствующих в приёмной.

Татьяна сделала постное лицо, чтобы усыпить бдительность всех, и ей, видимо, это удалось, потому что Катерина, в ответ на слова прощания, улыбнулась вполне искренне.

Но одного взгляда на лицо Топилина было бы достаточно, чтобы разоблачить её игру, как Таня не пыталась прикрыть крупную фигуру Сергея, сделать это было невозможно, поэтому она просто, изобразив неуклюжесть, наступила ему на ногу, чтобы согнать с его лица глуповатую улыбку. Так, криваясь и извиняясь, они вышли из офиса.

– Зачем ты наступила мне на ногу?

– Чтобы твоя помощница не увидела твоё красноречивое личико, Гюльчатай.

– Это не входит в твои планы?

– Мне совсем не нужен враг в лице твоей секретарши.

– Помощницы, – поправил Топилин.

Татьяна пропустила замечание мимо ушей, снедаемая иным интересом:

– Она что, опасается, что я займу её место?

– В каком смысле?

– А что, кроме работы, есть и иной смысл? – улыбнулась Таня.

– Ты слишком умна для женщины, Татьяна! – парировал её выпад Топилин.

– Я вижу, Серёжа, и ты мало изменился.

– На том стоим!

Увлечённая разговором, Татьяна не обратила внимания, что уже пару минут они, почти вплотную, стоят у новенького, сверкающего синей краской, «жигулёнка». Наконец, подняв голову и, встретившись с настороженным взглядом Сергея, поняла, что он ожидает её реакции.

– Что? – поинтересовалась она. – Сказала что-нибудь не то?

– Нет, – ответил он, с явным намерением разочароваться в её сообразительности.

– Куда едем? – добродушно улыбнулась Таня, давая понять, что давно всё поняла, хоть и не показывала вида.

– Сегодня мы посетим «Кавказскую кухню», – пояснил Сергей, помогая ей усесться на переднее сиденье..

– Это далеко?

– Нет, рядом.

– А тебе идёт! – выдала Татьяна первое, что пришло на ум.

– Что идёт? – не понял Сергей.

– Водительское кресло!

– Ты находишь?

– Давно за рулём?

– Месяца три.

– С поздравлением опоздала, но всё-равно: поздравляю.

– Спасибо.

– Значит жизнь меняется к лучшему? – спросила Таня, надеясь заинтересовать адвоката, помня, что на мужчину, проявив даже элементарный интерес, легче воздействовать, чтобы получить то, что хочешь.

– Хоть медленно, но неуклонно, – ответил он.

– Я рада за тебя.

– Правда, рада? – переспросил Топилин так, словно сомневался в этом. Это сомнение Татьяне не понравилось, напоминая о том, что её миссия, возможно, под угрозой срыва.

– «Придётся заново очаровывать, некогда лучшего друга!» – подумала она, примеряя перед зеркалом одну из самых очаровательных улыбок, которая некогда так нравилась Топилину Серёжке.

Улыбка не достигла своей цели: внимание Сергея сосредоточено на дороге, и девушка сникла, отвернувшись к окну.

– Плохи твои дела, Татьяна, – решила она, – он на тебя не обращает никакого внимания... А если к улыбке добавить немного лести? Отдельным мужчинам она нравится.

Повернувшись лицом к водителю, девушка вновь была весела и легка:

– К чему этот скептицизм? Я всегда от души радуюсь за своих друзей, когда у них всё хорошо. Ты же знаешь... Зачем сомнения?

– Ты даже на крестины моих девочек не пришла! – неожиданно выдал он.

– А меня кто приглашал?! – взвилась Татьяна.

– На такое мероприятие не приглашают! – с обидой в голосе произнёс Топилин. – Приходят все те, кто уважает человека.

– Ты на меня в обиде? – понизила голос Таня. – Просто не хотела беречь рану... У тебя теперь семья, чудные девчушки... Как бы я выглядела на вашем празднике жизни, Сергей, подумай?...

– Как очаровательная женщина, в которую я был некогда влюблён...

* * *

Ресторанчик «Кавказская кухня» оказался довольно уютным. Его хозяин по имени Ризо, был улыбчивым и приветливым, но что-то в нём насторожило Татьяну. Было видно, что с Топиным они хорошо знакомы, почти в приятельских отношениях.

– Друг? – поинтересовалась девушка, усаживаясь за столик.

– Когда-то оказал ему услугу, – пояснил Сергей. – Такие люди, как Ризо, хорошее не забывают.

– Плохое – тоже, – пробурчала себе под нос Таня.

– Ты что-то сказала?

– Почти ничего... Неплохое место. Часто здесь бываешь?

– Нет, нечасто, – улыбнулся Сергей, помня о щепетильности Татьяны. – Это случается в особо торжественных случаях, когда я хочу поразить, или очаровать.

– Да?... А меня ты хочешь очаровать, или поразить?

– И то, и другое.

Глядя на распутившегося Сергея, она переполнилась желанием напомнить ему его «золотое правило» не пропускать мимо ни одной юбки, но помня о том, ради чего приехала сюда, сдержалась, удивившись себе самой:

– Неужели исправляюсь?

Но через несколько минут, на вопрос Топилина: – «Как тебе моя работа?», выдала всё, что думает:

– Хорошо устроился, Серёженька: личный кабинет, личный секретарь, машина!

Топилин, не сдерживая эмоций, захохотал, и она поняла, что неисправима.

После того, как услужливый официант выставил на стол неизвестные Татьяне закуски, разговор вновь затеплился слабым огоньком.

– Слышал, что ты ушла из прокуратуры? И был удивлён этим решением.

– Почему?

– Не понимаю причин, подвигнувших тебя на этот шаг.

– Мне нужна была свобода.

– Эх, куда хватила? Свобода слишком дорогое и эфемерное удовольствие: полной свободы не имеет никто из нас. Над каждым есть кто-то, кто ограничивает её, так или иначе.

– Разве ты не свободен?

– Увы, нет.

– Не лукавь, Серёжа! Относительную свободу ты всё-таки имеешь: не каждый твой шаг контролируется. Уж признайся?

– В этом смысле да, – согласился он. – Относительной свободой я, действительно, обладаю. Но она, всё же не так велика, как хотелось бы.

– Ну да! – запротестовала Татьяна. – Дай вашему брату, адвокату полную свободу – вы такого натворите: шарик перевернётся с ног на голову.

– А вам, детективам? – парировал Топилин.

Блюда Сергей выбирал на собственный вкус, потому что Таня призналась, что в кавказской кухне полный профан, и что она в этом вопросе целиком и полностью полагается на него. За первым блюдом она успела расспросить о семье, жене, девочках. О жене Сергей говорил достаточно сдержанно, не углубляясь в дебри, а о дочках – только в превосходных степенях, с блеском глаз и сиянием лица.

И вдруг у Татьяны вырывается:

– Ты счастлив, Сергей?

Топилин остановился на полуслове, внимательно посмотрел на неё, а, затем вздохнув, ответил:

– А ты знаешь, Татьяна, думаю, что да: у меня неплохая работа, благополучная семья, чудесные дочки... Наверное, счастлив.

– Очень рада за тебя, – искренне, от души отреагировала на его признание та.

– А ты всё одна? Что так?

– Пока не нашла единственного и неповторимого.

– А может быть его и нет вовсе? – предположил Сергей, пытаясь очаровать Таню взглядом.

– Есть, Серёжа, есть! – уверила она. – И рано или поздно я его найду!

– Смотри, как бы не было поздно?

– О чём разговор? – выразила непонимание девушка. – Я что, плохо выгляжу?

– Ты выглядишь – супер!! – восхитился Топилин, и Таня ему поверила: в чём, в чём, а в женщинах Сергей разбирался всегда.

Приступая ко второму блюду, она решила, что настало время изложить старинному другу то, ради чего пришла к нему. Начала издали: рассказала о своём первом деле, переживаниях, маленьких трудностях, незаметно подводя к проблеме Андрея, представив дело так, словно введливый следователь держит её запасным вариантом в подозреваемые, выводила Топилина на мысль, что ей просто необходима помощь стоящего адвоката.

– У меня небольшая проблема, – честно созналась она. – слабовато с финансами.

– Ради тебя я согласен поработать бесплатно!

– Бесплатно не надо, – мягко отклонила, явно невыгодный для неё вариант, Татьяна. – Давай по минимуму.

– А потянешь?

– Попробую.

Сергей загнул такую цифру, что у девушки от изумления едва не отвалилась челюсть:

– Это твоя минимальная такса?!

– Почти, – засмеялся Топилин, глядя ей в лицо. – Да не бойся ты: с тебя я возьму только третью часть этой суммы. Мы всё же коллеги, вместе учились... И потом определённые чувства к тебе у меня всё-таки сохранились.

И снова взгляд, способный смутить кого угодно.

– Серёжка, ты не исправим! – отреагировала Татьяна, вновь увидев перед собой специалиста по охмурению женщин. – Прямо-таки новоявленный Казанова.

– Да, я такой! – нарочито бахвалился Топилин, хотя, как показалось Тане он был не прочь, чтобы его считали таковым.

– Итак, – перевела Рябинина разговор со скользкой темы в деловое русло, – я могу быть уверенной в том, что Андрей Таро с этого дня является твоим подзащитным?

– Андрей Таро? – переспросил Топилин, окинув её взглядом с хитрецой.

– В чём дело? – не поняла Таня. – Почему ты так смотришь?

– Да так, кое-какие слухи.

– «Словно мухи тут и там ходят слухи по домам?...»

– Добрая славка на печке лежит – дурная по дорожке бежит...

– Не знала, что ты старомоден!

– Я старомоден? – удивился Топилин. – Отнюдь. Просто хотел предупредить тебя, что в людской молве этот вьюнош возведён в ранг любовника высокопоставленной дамы.

– Это противозаконно? – поинтересовалась Таня, с откровенным любопытством поглядывая на Сергея.

– Это аморально с точки зрения этики и морали.

– Господи, Серёженька, о чём это ты? Ты что, забыл что меня зовут Татьяной Рябиной, и что мы знакомы с тобой более семи лет?

– Ну да, ну да, – изобразил смущение Сергей.

Таня пропустила игровой этюд мимо и, настаивая на своём, вновь задала свой вопрос:

– И всё-таки, я могу быть уверенной в том, что уже сегодня ты поговоришь с Андреем и подпишешь все нужные бумаги на его защиту?

– В обязательном порядке, – неожиданно рьяно согласился Сергей, вызывая у Тани сомнение.

– С чего вдруг такое рвение? – прямо спросила она.

– Не понимаешь? – удивился Сергей. – Ведь это, Татьянка, будет показательный процесс!

– Топилин?! – начала сердиться девушка. – О чём ты?! Не разочаровывай меня, пожалуйста!

Сергей смотрел на неё недоуменно, затем на его лице появилась догадка, и он сказал:

– Да, Татьяна Владимировна, я не Дон-Кихот, а обычный нормальный адвокат: кесарю – кесарево, слесарю – слесарево, а адвокату – адвокотово. Такова жизнь, подруга! Ничто человеческое мне не чуждо: я, как каждый, обычный человек, обременён множеством житейских, бытовых, и в том числе, материальных, проблем... И потом, некоторая известность в высоких кругах мне не мешает.

– Ну и гусь ты, Серёга, – отреагировала Татьяна уставшим голосом, и добавила. – Но ты хотя бы честен.

Сергей, словно не слыша её, продолжил свою мысль дальше:

– И поэтому, Татьянка, можешь быть уверена в том, что я вытащу этого бедолагу из дерьма, куда он, так по глупому, вляпался!

– И на том спасибо, – вяло улыбнулась Рябина, видимо, израсходовав все свои моральные силы.

– Этого мало? – удивился Топилин, не понимая её реакции.

– Этого достаточно, – успокоила Татьяна.

– По рукам?!

И Таня вздохнула с облегчением:

– По рукам.

Топилин высадил девушку недалеко от её дома. Пришлось целовать в щёку этого неисправимого Казанову, и тот, в слегка возвышенном настроении, укатил «ворочать делами», а Таня зашла в магазин, чтобы прикупить кое-каких продуктов. Возвращаясь к себе домой, она думала:

– Как же мы изменились за каких-то три года. Мечтали, как каждое молодое поколение, изменить мир, стоять на страже интересов простого человека, быть честными и справедливыми...

Высокие понятия, высокие помыслы. Увы, и мы не исключение из правил: жизнь вносит свои коррективы в мечты, помыслы и планы зачастую не в сторону высокого, а, напротив, самого банального: наживы, желания красивой жизни, славы, почёта... Стоит ли осуждать человека за это? Имею ли я на это право?

По крайней мере Топилина хоть можно понять, и он почти честен со мной. Желание славы – это ещё не предательство юношеских помыслов, не так ли, Татьяна? Одними помыслами сыт не будешь... Впрочем, Сергея в этом вряд ли упрекнёшь: новенькая 10-ка, костюмчик с иголочки, холёный вид – это о чём-то говорит?

Глава 6. Назвался груздем...

– И это, подающая большие надежды в студенческие годы, Рябина Татьяна свет Владимировна? – интересовалась Татьяна у своего зеркального отображения, стоя в прихожей. – Потрёпанные джинсы, любимый, но далеко не новый свитерок, курточка, не первой молодости... Топилин явно польстил тебе.

– Но какой гордый вид! – не то восхитилась, не то осудила она себя. – осанка, глаза, поворот головы. Хороша, ничего не скажешь!

Её «любование» собой прервал резкий звонок в дверь, возвращая из заоблачных высот на грешную землю.

– Кто это может быть? – подумала девушка, – Я никого не жду.

– Кто там? – спросила она, медленно приближаясь двери.

– Это я: Настя Волошина. Вы меня помните... Ира?

Имя, произнесённое не совсем уверенно, даёт понять, что девушка за дверью, действительно из компании друзей Андрея, ведь именно там Татьяна представилась Ириной Славиной.

– Ничего не поделаешь, – произнесла она шёпотом, – придётся открывать. Рано или поздно пришлось бы объясняться... Но лучше раньше, чем позже. Без помощи друзей Андрея мне вряд ли обойтись.

– Сейчас, – ответила она девушке за дверью, неспешно открывая замок.

На пороге стояла Настенька Волошина – сокурсница Таро. Татьяна мысленно удивилась, как она нашла её квартиру: никто из команды Андрея не знал ни её настоящей фамилии, ни адреса, за исключением Андрея, которому она открылась только сегодня утром.

– Настя?! Какими судьбами? Как ты меня нашла?

– Выследила! – почти зло, с какой-то высокой нотой ненависти, кинула та, глядя в лицо Татьяны, пытаясь заразить своей злостью и её.

– Ну, если выследила, – спокойно ответила Рябина, не поддаваясь на провокацию, – то проходи, не стой в дверях. Видимо, ты пришла сказать что-то важное?

– Я могу это и в дверях сказать! – не опуская планку ненависти, почти кричала Настя.

– Э, нет! – ответила ей Таня, – Так не пойдёт. Ты не подумала, что это нечестно: наговоришь с три короба, хлопнешь дверью и уйдёшь, а у меня даже возможности не будет ответить тебе?

– А ты честно поступила с нами, с Андреем?! Влезла в душу, прикинулась другом, а сама всё вынюхивала, высматривала, фотографировала! И потом донесла Лине!

– Откуда знаешь?

– Не важно! Знаю – и всё! И откуда только берутся такие, как ты?! Для чего тебе это нужно?

– Видишь ли, дорогая моя, я частный детектив, – призналась хозяйка квартиры, – и зовут меня Татьяной Рябиной.

– Даже имя у неё не настоящее!

– Да, я не Славина, – продолжила Таня свою мысль дальше, – а Рябина, и я детектив, которого наняла Лина Евгеньевна, чтобы проверить честность своего, скажем так, друга.

– Она ещё и продажна!

– Но-но, не забывайся! – начала сердиться Татьяна. – Ты всё-таки у меня дома.

– А то что? – задиралась Настя – Сдашь в милицию?

– Нет, – усмехнулась Татьяна в ответ, – по попе отшлёпаю.
– Не справишься! – продолжала злиться Настя.
– Ещё как справлюсь! – заверила её хозяйка. – Ты зачем явилась сюда, защитница несправедливо обиженных, оскорбить меня? Так права не имеешь.
– Имею. Ещё как имею! В тот вечер мы были с Андреем вместе, и он никак не мог быть с Линой.

Татьяна внимательно посмотрела на Настю, прекрасно зная, что та лжёт, но дала ей возможность высказаться до конца, и когда девушка, наконец, остановилась, сказала:

– Ты знаешь, девочка, что за ложные показания можешь подучить срок?... Андрей был у Лины около восьми часов – это уже доказано.
– Да, он был у неё... Но потом ушёл, и мы с ним встретились.
– Когда? Где? – настаивала Татьяна.
– На нашем месте, возле кафе, где мы обычно собираемся – ты знаешь.

Волошина говорила торопясь, с таким видом, словно катится с горы, ни о чём другом уже не думая.

– Вас кто-нибудь видел?
– Не думаю, – ответила Настя, даже не задумываясь. – По крайней мере я никого не видела.
– Таким образом ты ему не поможешь, – как можно мягче, отреагировала Рябинина, сочувственно глядя на волнующуюся девушку.
– Ты мне не веришь?! Ты не веришь потому, что сама врушка!
– А ты не врушка? – улыбнулась Татьяна. – Можно подумать, что ты не знала, что у Андрея связь с Линой?
– Не знала, но догадывалась
– И не знала, что он с Мариной Ерофеевой шуры-муры крутит?
– Какие ещё шуры-муры?! – снова возмутилась Настя. – Она – обычная модель, и Андрей работал с ней!
– Ну, если это работа, – засмеялась Таня, – то, что такое любовь – я и представить боюсь.

И вдруг из глаз Волошиной начали капать слёзы, превращаясь в поток.

– Да ты никак влюблена, девочка?! – высказала догадку Татьяна.
– А это уже не твоё дело! – огрызнулась Настя.
– Дело, конечно, не моё, – на сей раз согласилась хозяйка, – но тогда твои «показания» не стоят и ломаного гроша: ты лицо заинтересованное, и в порыве сострадания можешь показать всё, что угодно.

– Это ты виновата во всём! Только ты! Если бы ты не совала нос, куда не нужно, ничего этого бы не было: Лина Евгеньевна не погибла бы, и Андрей был бы на свободе!

Жёсткие рыдания сотрясали худенькие плечи, покусанные губы Насти кривились некрасиво и зло.

– Настя, Бог с тобой! – попыталась успокоить её Татьяна. – О чём ты говоришь? Ты себя слышишь? При чём тут я? Разве я толкнула Андрея в объятия Лины? Разве я знакомила его с Мариной? Разве я арестовывала его? Ты что-то путаешь, подруга.

– Какая я тебе подруга?! – злилась Настя, размазывая слёзы по лицу. – Таких друзей – даже злему врагу не пожелаешь!

– Ну ка, сядь! – приказным тоном произнесла Таня. – И сейчас же прекрати истерику. В друзья к тебе я не набиваюсь: истеричек мне только не хватало.

– Что же делать?! Что делать? – в отчаянии произнесла Настя, глядя на Таню почти кричащими о своей боли глазами.

– Что делать? Что делать? – повторила та за ней следом исконный вопрос инфантильной русской интеллигенции. – Думать. И думать основательно. А не сочинять небылицы.

Настя тут же вскинулась с явным желанием протеста, но Татьяна остановила её жестом:

– Для начала ты должна мне рассказать всё.

– Всё-всё?

– Да, всё. И даже чуточку больше. И без всяких выдумок, ничего не приукрашивая, ничего не досочиняя. Всё по честному.

– По честному?... Хорошо. С чего начать?

– Возможно с того, как вы познакомились с Вороновой?

– Лину Евгеньевну я знаю давно... Дольше Андрея... Моя мама проработала у Лины больше пяти лет. Я часто бывала у мамы на работе, когда ещё училась в школе.

– И как Лина относилась к этому?

– Нормально относилась: ни разу не высказала своего недовольствия. Мама шутила, что готовит свою смену, и хозяйка поддерживала её.

Настя умолкла, о чём-то задумываясь, и Татьяна предложила:

– Не хочешь что-нибудь выпить?

– Чая, – однозначно ответила девчушка.

– Подожди, я сейчас.

Когда Рябинина вернулась в комнату с подносом, то застала Настю в той же позе, в какой оставила. Она разлила чай по чашкам, положила пару ложек сахара и подвинула одну из них девушке.

– Угощайся, – предложила хозяйка, придвигая поближе вазочку с печеньями и сухариками.

Чай девушки пили молча, думая каждая о своём, а в результате об одном и том же: об Андрее, о несчастье произошедшем с Линой Евгеньевной, о своём невольном причастии ко всему этому.

Спустя несколько минут Настя уже рассказывала о том, что сама познакомила Андрея с Линой, стараясь помочь ему в решении финансовых проблем, о том, с какой радостью они включились в создание новой коллекции женской одежды.

– Андрей талантливый художник! – восхищённо рассказывала Настя. – Я даже не предполагала у него таких способностей. Ещё в школе он подрабатывал в ателье, где его мама работала закройщицей, и очень гордился этим... Мы показали Лине некоторые разработки – ей очень понравилось, и она зачислила нас в штат сотрудников. Начали работать в ателье параллельно с учёбой: сидели по вечерам, работали в выходные...

Когда в университете возник вопрос с оплатой, я сама посоветовала ему обратиться к Лине и попросить у неё деньги взаймы, или в счёт зарплаты... Сама подтолкнула его в эту петлю. Получив деньги, Андрей, видимо, посчитал себя обязанным ей, и вот...

Воспользовавшись паузой, Татьяна поинтересовалась:

– Никак не пойму: как ты относишься к Лине? Осуждаешь, ненавидишь, или способна понять её отношение к Андрею?

– Я?! – переспросила Настя, видимо, не готовая ответить на вопрос немедленно. – Да, я осуждала Лину Евгеньевну, хотя ненависти к ней не чувствовала... Понять её? Что я должна понять?

– Ну, хотя бы то, что она в то время только что потеряла мужа, что ей было тяжело, одиноко?

– Боюсь, что именно это и подтолкнула Андрея к этой старухе! – неожиданно вырвалось у Насти. – Жалость – страшная сила, которая может искалечить жизнь.

– Как ты можешь так говорить, Настя? – удивилась Татьяна, глядя в глаза этой девчушки, несущей в своей душе такую жестокую правду.

– Могу! Могу! – почти кричала Настя. – Из-за этой жалости Андрей сейчас сидит в камере, а Лина – в гробу!

– Истерику прекратить! – приказала Рябинина. – Такая молодая, а уже истеричка. Тебе самое время учиться держать себя в руках, а если не можешь – лечиться. Что дальше то будет?

– А дальше ничего не будет, – сникла девушка. – Если Андрея посадят, то я... я...

И слёзы вновь потекли из её глаз.

– Боже, – пожаловалась Татьяна, – как же трудно с тобой общаться-то, Настя! Ты скоро мне всю квартиру затопишь слезами. Соседи услышат, подумают, что тут кого-то терзают и позвонят в милицию, чтобы та приняла меры... Иди ка ты, красавица, в ванную – умойся. Потом продолжим наш разговор.

Пока Настя умывалась, Татьяна убрала со стола, надеясь, что всё-таки сможет выудить из девушки нужные ей сведения. Девушка вернулась из ванной, хоть и с покрасневшими глазами, но спокойная, тихая.

– Сядем рядком – поговорим ладком? – предложила хозяйка, показывая на диван.

– Да мы уж вроде говорили, – напомнила Настя.

– Говорили, – согласилась Татьяна, – но несколько тем ещё остались открытыми.

– Хорошо, спрашивай – я готова отвечать.

– Расскажи о друзьях Андрея.

– Да что о них рассказывать? – не поняла Настя. – Ты их всех видела, знаешь.

– И всё же?

– В нашей компании семь человек: четыре парня и три девушки. Андрей, Владимир Суровцев, Игорь Фокин, Павел Дёмин, ещё: Танюшка Инина, Алька Кучер и я... Танюшка и я познакомились с Андреем во время вступительных экзаменов. Мне и Андрею, как медалистам, нужно было сдавать один экзамен на «отлично», чтобы быть зачисленными, а Танька сдавала все экзамены...

С Павликом Дёминым Андрей жил в университетском общежитии с самого начала учёбы, а потом к ним присоединился и Сура, т. е. Суровцев Володька. Вместе с Сурой в нашу компанию влился Игорь Фокин – его закадычный дружок чуть ли не с садиковских времён.

Алька Кучер ходила за нами весь первый курс, пока её официально не приняли в компанию...

– Охарактеризуй, пожалуйста, парней, – попросила Татьяна.

Настя смолкла, собираясь с мыслями, и Таня поняла, что задала девушке не такое и лёгкое задание, поэтому поспешила на помощь:

– Начнём с Суры, т.е. с Суровцева.

– О, Сура – личность непростая, – призналась Настя, улыбаясь совсем не так, как она делала тогда, когда говорила о остальных членах своей компании. – Он очень самолюбивый, как говорят в таких случаях: болезненно самолюбивый... Любит верховодить, старается всегда быть на виду. Своего друга Игоря называет «тюхой».

– Почему именно тюхой?
– Потому что Игорь тихий, не наглый, доверчивый, добрый, а Сура пользуется этим: командует им, подсмеивается, использует в своих целях.

– А какие отношения между Сурой и Андреем? – продолжила задавать наводящие вопросы Татьяна.

– Напряжённые. – ответила Настя.
– Что ты имеешь в виду?
– В последнее время они стараются не сталкиваться.
– А раньше сталкивались? – поинтересовалась Таня.
– Когда жили в общежитии – это происходило довольно часто.
– Почему?
– Сура пытался подчинить и Андрея, но не на того напал! – пояснила Настя. – Нашла коса на камень.
– Два лидера – понимающе констатировала Рябинина. – Обычная борьба за лидерство.
– Ничего себе обычная! – возмутилась Настя. – Однажды они даже подрались!
– И кто кому наподдал?!
– Обоим досталось!.
– А после этого? – продолжила свои вопросы Таня.
– После этого Сура немного притих, – ответила девушка. – Но я не верю ему: он хитрый и подлый.

– Почему так думаешь? – заинтересовалась Татьяна.
– Я не думаю – я это знаю. Он столько раз делал Андрею пакости! И всё исподтишка.
– Какие у них отношения сейчас?
– Ну сейчас более ровные, хотя они относятся друг к другу с опаской. После того, как Андрей ушёл на квартиру, Володька остался в общежитии единственным хозяином.
– Он что, не местный? – спросила Таня.
– Местный – последовал ответ.
– Почему тогда живёт в общежитии?
– Повздорил с отцом, и ушёл из дома.
– Неблагополучная семья? – предположила Татьяна.
– Да нет, – опровергла Настя, – семья у него вполне благополучная, даже хорошо обеспеченная... Ты, наверняка, их знаешь: отец Суры – в прошлом партийный лидер, а сейчас владелец самого большого городского автопарка – Суровцев Владимир Петрович.

– Лично не знакома, хотя и слышала, и видела пару раз, – ответила Рябинина..
– Так вот Владимир старший и Владимир младший не ладят.
– Опять коса на камень?
– Видимо.
– Как же Суровцев старший отпустил сыночка жить в общежитие? – поинтересовалась Рябинина.
– Решил наказать сынка за строптивость: отпустить на вольные хлеба, ограничив денежную поддержку до минимума.
– Наказал?
– Куда там! – засмеялась Настя. – Разве мамочка Суры допустит, чтобы её единственный сыночек бедствовал?! Она даже мебель в комнате, где он живёт, поменяла на новую, комфортную.

– Понятно, – улыбнулась Таня, почему-то представив мать Суры очень полной женщиной, похожей на клушу, хлопчущей над своим чадом.

– Остался ещё один дружок, – подсказала Рябинина, – Павел Дёмин.

– Да, – согласилась Настя. – Павлик... Это не Игорь. Он похитрее будет: перед Сурой – на задних лапках, как заяц, а без него – лев. Предать может в любую минуту. На первый взгляд: весёлый, лёгкий, а на деле – трепло и лгун.

– Картинка кое-какая сложилась, – произнесла в раздумье Татьяна. – «Святая троица» – в полный рост.

– Откуда знаешь? – удивилась Настя. – Так их называет Андрей.

– Догадалась, – улыбнулась Татьяна.

– Ну ты даёшь! – восхитилась Настя.

А Таню уже понесло:

– Компания – что надо: как на подбор. Хуже – не придумаешь. Друзья-соперники?

– Ну, что ты?! – запротестовала Волошина. – Андрей никогда, ни с кем не соперничал. Это скорее в характере Суры – тот не может терпеть, когда кто-то лучше, умнее, талантливее него.

Настя смолкла, воцарилось молчание, которое никто не хотел прерывать. Татьяна была почти уверена, что девушка ещё до конца не высказалась, а Настя не могла ни о чём думать, как только об Андрее.

– Таня, нужно вытянуть Андрея, ведь он ни в чём не виноват! Я уверена, что не он убил Лину! Это сделал кто-то другой.

– Я тоже уверена в этом, – согласилась та, – но это нужно доказать. Как говорит мой наставник: слова к делу не пришьёшь.

– Нужно найти свидетелей! – уговаривала собеседницу Настя, – Не может быть, чтобы никто из огромного девятиэтажного дома не видел, как убийца выходил из подъезда. Так просто быть не может! Любопытные старушки, которым больше заняться нечем, как наблюдать за соседями; владельцы собак, выгуливающие своих питомцев по вечерам; молодёжь, тусующая возле подъезда; случайные прохожие; жители, возвращавшиеся домой с работы. Да мало ли ещё вариантов? Их нужно проверить.

– Этим я и собираюсь заняться в ближайшие дни, – успокоила девушку Татьяна..

– А как же Андрей?

– Что Андрей? – вопросительно посмотрела Рябинина.

– Он там один, бедненький, в камере – ничегошеньки не знает, не ведаёт...

– «Всё он знает, и всё ведаёт!» – мысленно запротестовала Татьяна.

– Я сегодня была у него, разговаривала – призналась она Насте. – А к концу работы у него будет адвокат.

– Какой адвокат? – насторожилась Настя.

– Хороший адвокат: Топилин Сергей Николаевич. Мы с ним три года назад закончили юрфак... Теперь у него своя контора. Он будет защищать Андрея в суде.

– Но хорошие адвокаты сейчас стоят больших денег! – испуганно запротестовала Волошина. – А у Андрея их нет.

– Об этом можешь не волноваться – Топилин не возьмёт ничего.

– Тогда это плохой адвокат! – сделала вывод Настя.

– Нет, это хороший адвокат – один из лучших в городе.

– Хороший – стоит дорого!

- У этого иной стимул...
- Какой?! – решила достать Татьяну упрямая девчонка. – Интересно: какой?
- Это тайна следствия, которую таким упрямым девчонкам, как ты, знать не обязательно.

Этот ответ, по видимому, обидел девушку, потому что на просьбу Тани рассказать что-нибудь о Лине, она бросила резко:

– О ней тебе лучше спросить у моей мамы. Зайди в «Дом моделей» и поинтересуйся – там все друг друга знают: и привычки, и характеры, и слабости. А я о ней судить объективно не могу.

– Как скажешь, – согласилась Татьяна. – Но может быть, ты знаешь, где живёт Марина?

– Зайка? – переспросила Настя.

– Почему зайка?

– А это мы с Ининой дали ей такое прозвище: у неё же два передних зуба, как у зайца.

Не замечала?

– Нет.

– Встретишь – обрати внимание, – посоветовала Волошина. – Она поэтому и не улыбается, чтобы свои зубищи не показывать.

– Если ты скажешь, где она живёт – непременно, обращу.

– Большая Садовая 186. У них частный дом.

– Всё-то ты знаешь! – изобразила удивление Рябинина.

– Не всё – только то, что связано с Андреем.

– А он знает, что не безразличен тебе?

Настя несколько мгновений помолчала, видимо, обдумывая стоит ли говорить об этом Рябининой, и, наконец, призналась:

– Думаю, что нет.

– Уверена?

– Он относиться ко мне, как к другу – в другом качестве я ему неинтересна... Маленькая, худая, да ещё и веснушчатая.

Татьяна понимающе улыбнулась и произнесла:

– Когда-то я думала о себе точно так же, как и ты, и в результате потеряла человека, которого любила.

– Правда? – вскинула голову Настя. – Ты себя явно недооценивала.

– То же самое сейчас делаешь и ты: повторяешь мою ошибку. Человек велик, или мал настолько, насколько сам себя оценивает – запомни это, девочка.

– Иногда и переоценивает! – запротестовала Настя, явно намекая на Суровцева.

– Не спорю: переоценка – вещь весьма коварная, но недооценка – вряд ли лучше.

– Этого уже не изменить, – убеждённо произнесла Волошина. – Я так сроднилась с этим комплексом, что его никакими силами не отодрать от меня.

– А я научу тебя, как от него избавиться. Хочешь?

– О чём вопрос? Конечно хочу.

– Каждый день, стоя перед зеркалом, расчёсывая свои чудные волосы, повторяй, глядя на отражение: – Я стройная! Я интересная! Я могу нравиться мужчинам! Могу любить и быть любимой! Повторяй столько раз, пока не начнёшь верить в это. И посмотришь – всё изменится.

– Правда? – всё ещё сомневалась Настя.

– Правда.– уверила её Таня. – На опыте проверено.

Неожиданно Настя вспомнила:

– Господи! Совсем забыла! Мы же с девчонками договорились в четыре встретиться у библиотеки! Уже опоздала... Я побегу? Может ещё не ушли?

– Стой, торопыга! Ты хоть адрес свой дай, или номер телефона.

– Сейчас! – кинула Настя на ходу, что-то записывая. – Вот мой телефон. Я понеслась. Пока!

Настя действительно унеслась, оставляя Татьяну обдумывать их неожиданную встречу, начавшуюся так агрессивно и, закончившуюся вполне дружелюбно. После её ухода, Татьяна остановилась напротив зеркала в прихожей и начала внушать себе:

– Я умная! Сообразительная! Я смогу распутать это дело! Смогу...

И тут же сникла, ведь с завтрашнего дня ей придётся заняться опросом жителей огромного девятиэтажного дома, всех тех, кто находился там между восемью и девятью часами вечера.

– Боже мой, сколько же народа мне придётся опросить?! Сколько побегать? Сколько нервов потрепать?

Через несколько секунд она уже уговаривала себя:

– Ничего Татьяна, свет Владимировна, назвалась груздем – полезай в кузов!

Глава 7. Рутина

Следующий день Татьяна была так загружена работой, что даже не успела пообедать. Пришлось проявлять столько изобретательности и настойчивости, что она удивлялась сама себе:

– Могу! Оказывается могу! Не такая уж это простая штука вызвать человека на открытый разговор, когда он этого не хочет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.